

К-84

Р-173100

КР

А. В. Кругловъ.

ПОТРЕВОЖЕННЫЕ.

ДЕРЕВЕНСКІЕ СИЛУЭТЫ.

Безплатное приложение къ журналу
„Свѣточъ“ и „Дневникъ Писателя“
на 1910 г.

МОСКВА.

тирографія А. Д. Плещеева и П. И. Иванова, Покровка, 47.

ВАРУЛЬ и ОНУФРІЙ.

I.

ень начинался хорошим теплым утромъ. На Волгѣ ходили мелкія волны. Солнце сіяло на чистомъ небѣ. Воздухъ на водѣ казался особенно прозрачнымъ, такъ что предметы виднѣлись ясно на далекомъ разстояніи. Зелень береговъ веселила взоры. Линія одного берега шла волнисто, другой—стлался полого

Вдругъ первый берегъ побѣжалъ вверхъ, и закончился возвышеннымъ обрывистымъ холмомъ, на которомъ живописно раскинулся маленькій городокъ.

Пассажиры высыпали на палубу и любовались прекраснымъ видомъ. Я прошелъ на корму, въ третій классъ, откуда неся громкій гулъ многихъ голосовъ.

Вдали отъ группы спорившихъ о чемъ-то крестьянъ, у самаго борта парохода, стоялъ высокій статный парень, лѣтъ двадцати четырехъ, съ густыми, темными волосами, остриженными въ кружокъ,—съ большими черными нѣсколько мечтательными глазами, съ тонкими чертами немного блѣднаго лица и съ крупными чувственными губами. Онъ глядѣлъ на берегъ, видимо, любясь картиной, но взглядъ его былъ нѣсколько разсѣянъ; парень не то мечталъ, не то вспоминалъ что то.

Онъ былъ одѣтъ въ поношенный лѣтній пиджакъ, изъ подъ котораго, виднѣлась красная косоворотка; нанковые туфли—на выпускъ. Старый картузь съѣхалъ набекрень.

Я окинулъ его внимательнымъ взглядомъ. Словно поймавъ на себѣ мой взглядъ, парень быстро обернулся.

Онъ тряхнулъ головою и промолвилъ съ восхищеніемъ:
— И красота же!

Въ этомъ краткомъ замѣчаніи со всею силою выразился его внутренній восторгъ.

— Чудный видъ!—подтвердилъ я.—А только Жигули еще лучше.

— То опять хорошо. На другой манеръ только... Ну, и Волга!

— Нравится она тебѣ?

— Красота одна да и только... Всѣ глаза проглядишь: тутъ хорошо, а тамъ еще того лучше... Вотъ-то Господь изукрасилъ... На диво, прямо сказать!

Онъ помолчалъ немного и добавилъ:

— А и ночью же красота здѣсь! Тепло это такъ, тихо... А мѣсяцъ-то въ водѣ свѣтится, словно онъ на днѣ тамо и манитъ тебя... Эхъ!—воскликнулъ парень, досадливо причмокивая:—словъ то у меня нѣтъ настоящихъ... объяснить все это... Внутри-то оно какъ будто и понятно все, а обсказать не могу.

— Ты развѣ не спалъ ночью?

— Гдѣ спать! Вышелъ я это освѣжиться... Да и уйти не хочется... Чисто приворожило меня, да и все тутъ... Читалъ я книжку одну—о Волгѣ. Занятно описано... а все не то, покамѣстъ не посмотрѣлъ глазами своими:

Мнѣ невольно вспомнились мои „интеллигентные, просвѣщенные спутники“, игравшіе всю ночь напролетъ въ карты и прозѣвавшіе Жигули и многія другія дивныя поволжскія картины. Скажешь одному: „Жигули скоро“. Обернется и сердито проговоритъ: „Ахъ, не мѣшайте“, и опять слышится: „въ червахъ“, „пасъ“ и прочее въ этомъ родѣ. Подъ утро всѣ храпятъ. Начнешь будить: „вставайте... солнце всходитъ... что за прелесть!“ Перевернется на другой бокъ, пробурчитъ: „спать хочу“—и уже храпитъ. А то и во снѣ „червами“ бредитъ. А поѣхали освѣжиться, отдохнуть, на Волгу посмотреть, насладиться природою. И послѣ этого еще говорятъ потомъ: „что же на Волгѣ? Ничего особеннаго! Вотъ въ Европѣ...“ Никогда вѣдь не сознаются: „а мы ничего не видѣли, потому что все время въ карты рѣзались, да спали“. Это—интеллигенція, это—мыслящіе люди. И вдругъ простой

деревенскіи парень не спитъ ночи, глазъ оторвать не можетъ отъ живописныхъ новолжскихъ картинъ.

— Ты куда же ѣдешь?—спросилъ я.

— На работу въ Саратовъ, на мѣсто.

— Изъ деревни?

— Теперь изъ деревни, а раньше жилъ въ городѣ.

— Гдѣ же?

— Да въ Ярославлѣ жилъ, а потомъ въ Москвѣ съ полгода.

— Ты по какой части?

— По пекарской... калачникъ, стало быть.

— Развѣ въ Москвѣ хуже?

— Въ Москвѣ-то? Въ Москвѣ хорошо!—съ отгѣнкомъ восторга произнесъ онъ.

— Жалованье хорошее?

— Жалованье такъ себѣ... а ужъ больно это въ Кремлѣ хорошо... Вотъ-тоже красота: станешь это у рѣшетки-то... да глядишь на ту сторону, за рѣкой-то Москвой которая... Будто на картинѣ. А особливо какъ весной... И звонъ этотъ веселый... Такая радость сердце охватить, что самъ не знаешь, а такъ бы что-нибудь и сдѣлать!

— Глаза у парня свѣтились восторгомъ, и этотъ же восторгъ былъ написанъ на его лицѣ.

Меня онъ сильно заинтересовалъ.

— Москва-то тебѣ, пожалуй, Волги любѣе?—спросилъ я.

— И здѣсь хорошо,—повторилъ онъ.—Ну, а въ Москвѣ другое.

На лицо его набѣжала тѣнь. Онъ вздохнулъ.

— Люди мы не ученые. Словъ у насъ нѣтъ настоящихъ, ну, и понимаешь иной разъ, а обсказать не можешь... Книжекъ, должно, мало читаемъ оттого это.

— Ты любишь читать?

— Люблю... Времени то немного, а то какъ не читать!

— Ты въ школѣ учился?

— Въ школѣ то малость... Далеко отъ насъ... А я къ дякону бѣгалъ... И что это за человѣкъ былъ—Иванъ Кузьмичъ. Мало такихъ людей бываетъ!

— Хорошій?

— Мало того хорошій... прямо, такъ сказать: душа-человѣкъ, праведникъ!

Мы уже сидѣли на скамейкѣ около столика.

— Чистой жизни?—спросилъ я, стараясь выразиться понятнѣе и навести парня на дальнѣйшій разговоръ.

— Строгой жизни быть! Ни курева, ни водки... ни-ни! Никакого баловства. Вдовый, а соблюдать себя во какъ! О немъ никто ни слова... потому нельзя. А ужъ сердце, сердце на рѣдкость, прямо сказать. Сними рубаху, и не укорить. Жалостливый! А по книжкамъ дошелъ до всего... Куда пошь передъ нимъ? Ничего не стоить.

Заговоривъ о дьяконѣ, парень опять оживился. Онъ снялъ картузь, положилъ его на столъ, и, кажется, уже не соображалъ о томъ, что я совѣмъ чужой человекъ, и онъ видитъ меня впервые. Онъ говорилъ съ воодушевленіемъ, раза два хлопнулъ меня по плечу и не замѣтилъ этого.

— За пѣсню онъ полюбилъ меня,—продолжалъ рассказывать парень,—пѣлъ онъ... ахъ, какъ пѣлъ!.. Его такъ и звали соловей-дьяконъ... Одинъ поетъ, а словно много... Замрешь индѣ, какъ заслушаешься... Сердце-то словно бы истаетъ... Очухаешься и на глазахъ у тебя слезы.

— Ты тоже поешь?

— Пою... Ну, извѣстно, не такъ. Такъ-то чтобы пѣть, я болѣе и не слыхивалъ. Даръ особый отъ Бога. А пѣсни я люблю... Вотъ онъ и сталъ меня зазывать. А я, мальченокъ, и радъ радешенекъ. Ну, тутъ и учить меня началъ. Принялся я читать бойко, писать... Была у него книжка съ пѣснями. Кольцовъ сочинялъ... тоже изъ мужичковъ. Бывало и почнемъ распѣвать. Поемъ и оба плачемъ... Очень ужъ онъ по женѣ тосковалъ!

— Значить, ты учился, какъ слѣдуетъ?

— Да не далъ тятка доучиться то... Взять меня въ работу съ собой, а тамъ и не досужно, и забывать началъ... Ну, конечно, не забылъ всего... гдѣ же... А кабы вотъ доучиться дали... вотъ такъ!.. а дьякону спасибо... вѣкъ не забуду его, царство ему небесное!

— Онъ умеръ?

— Померши... Запростудился... Рыбу ловилъ... да какъ то искупался по ранней веснѣ... Ну, кашель приключился... а тутъ и болѣзнь привязалась, эта самая чахотка. Жалость, говорили, на него смотрѣть было. Выйдетъ это на улочку, сядетъ у дома и запоетъ. А ужъ ничего не выходитъ... За-

хранить въ грудяхъ то... Закашляется и захаркаетъ кровью. И заплачетъ, что твое дитя малое.

Голосъ у парня дрогнуть, и глаза слегка затуманились отъ навернувшихся слезъ.

Онъ замолчать, устремивъ взоръ въ даль, гдѣ блестя на солнцѣ крестъ деревенской церкви.

— Вотъ гдѣ вы! А я васъ ищу, ищу! Что это вы забрались въ третій классъ?

Около меня стоялъ мой сосѣдь по каютѣ.

— Идемъ пить чай. Уже всѣ въ сборѣ.

— Сейчасъ.

Я неохотно поднялся съ диванчика.

— Еще, можетъ быть, увидимся во время пути,—сказала я парню, подавая ему руку.

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и какъ-то нерѣшительно осторожно дотронулся до моей руки.

— Тебя какъ зовутъ?—спросилъ я, оборачиваясь на ходу.

— Варуломъ,—отвѣтилъ онъ, и самъ прибавилъ сейчасъ же:—мудреное имя... многіе изъ нашихъ всяко переназначаютъ.

Если не мудреное, то дѣйствительно рѣдкое имя. До этого дня я и не зналъ, что существуетъ такое имя въ православномъ календарѣ.

II.

Послѣ чая вся наша компанія разбрелась: кто пошелъ еще отдохнуть въ каюту, кто на балконъ, игроки рѣшили сыграть партію-другую до завтрака.

Я остался сидѣть въ салонѣ у окна на мягкомъ диванѣ и велѣлъ лакею подать какую-нибудь газету. Онъ принесъ „Саратовскій Листокъ“. Я просмотрѣлъ его, отложилъ въ сторону и задумался о молодомъ парнѣ ѣхавшемъ на заработки въ Саратовъ. Вдругъ мои мысли перекинулись въ прошлое и, какъ живой, возсталъ передо мною рыболовъ Онуфрій, ютившійся въ плохонькой избенкѣ, на краю деревни Незавидовки.

Это былъ мужикъ лѣтъ сорока, средняго роста, бѣлокурый, худощавый съ выцвѣтшей бородкой, съ голубыми

восторженными глазами. Больной правильной формы носъ очень скрашивалъ его лицо. Онуфрїи любилъ пѣть и пѣлъ высокимъ теноромъ. Познакомился я съ нимъ случайно на какомъ-то праздникѣ, потомъ встрѣчался нѣсколько разъ, и какъ-то однажды отправились мы съ нимъ вмѣстѣ рыбачить за пять верстъ отъ деревни.

Рыба брала „плохо“ и мы остались ночевать на берегу, желая поправить неудачу на утреннемъ клевѣ.

Ночь стояла теплая, лунная. Непширокая рѣка Леденка спокойно лежала въ извилистыхъ берегахъ. Окаймлявшіе ея кусты нвы мѣстами близко подошли къ водѣ и словно смотрѣлись въ нее при сіяніи мѣсяца, ликъ котораго купался въ рѣкѣ. На противоположномъ пологомъ берегу лѣсъ стоялъ таинственный и мрачный, такъ и представлялось что вотъ-вотъ оттуда кто-нибудь выскочитъ, заушаетъ и захохочетъ. Онъ казался обиталищемъ сказочныхъ чудищъ, хоронившихся въ чащѣ.

Мы расположились на крутомъ берегу у разведеннаго костра, надъ которымъ въ котелкѣ варилась уха. Позади насъ находился неуклюжій рогожннй шалашъ, тонувшій въ густой и высокой травѣ.

Онуфрїи лежалъ на животѣ, подперевъ подбородокъ руками, любуясь разстлавшейся предъ нимъ картиной темнаго лѣса, вверху посеребреннаго лучами мѣсяца. Лучи его падали и на лицо Онуфрїя, и оно казалось освѣщеннымъ изъ камня, съ застывшимъ на немъ выраженіемъ восторга.

Вдругъ изъ груди его раздались мечтательные звуки высокаго тенора. Они какъ бы издалека прорѣзали тишину ночи и достигли моего слуха. Въ первую минуту я не понялъ, что это запѣлъ Онуфрїи, такъ какъ онъ даже не выговаривалъ словъ, а только выводилъ какой-то мотивъ. Очевидно, онъ забылъ о моемъ присутствіи, унесясь куда то думами, замурлыкалъ, такъ сказать, про себя. Мало по малу пѣсня стала опредѣленнѣе, слова яснѣе: онъ пѣлъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“. Онъ окончилъ куплетъ и завершилъ его высокою разливчатой трелью, широко раскатившейся по водной глади и замершею вдаль. Онъ дѣлалъ это своеобразно и своимъ пѣніемъ производилъ глубокое впечатлѣніе, хотя голосъ у него былъ слабый и лишь отличался богатыми модуляціями.

Онъ звенѣть, вибрировать, но достигалъ до сердца, волновать его.

— Эхма!—вдругъ воскликнулъ Онуфрій, оборвавъ пѣсню и быстро поднимаясь съ земли.—Никакъ уха-то готова,—добавилъ онъ заглядывая въ котелокъ.

— Славно ты поешь,—замѣтилъ я Онуфрію.—Прямо до сердца доходить.

— Пою, какъ поется, баринъ.

— Любишь пѣть?

— Люблю. Безъ пѣсни что же... и жить-то нельзя бы, кабы не пѣсня. Запоешь—и кручины какъ не бывало. И забудешь все... Словно вмѣстѣ съ пѣсней и самъ летишь куда-то... Вѣдь хоша сейчасъ, къ примѣру сказать, вы думаете, гдѣ я мыслями то былъ? Здѣся, на Леденкѣ? Э-э-э!

— Гдѣ же?

— А на Волгѣ матушкѣ... Слыхали вы про Стеньку Разина?

— Ну, конечно.

— Миѣ о немъ одинъ человѣкъ тутъ обсказывалъ... И какъ задумался я да запѣть, такъ онъ миѣ, что наяву, и представился. Будто это на лодкахъ своихъ плыветь съ ватаманами и разбойничками... на вольной волюшкѣ разгуливаетъ... Эхъ, житье вольное, чудесное!

— Развѣ тебѣ нравится? Вѣдь самъ говоришь: разбойники!

— Извѣстно такъ, никто иные. Что говорить, грѣхъ не маленькій... да и воля же широкая; знай гуляй, пока къ отвѣту не потребовали!

— А какъ потребуютъ.

— Ну, а ужъ тамъ расплачивайся. Клади на плаху буйную головушку.

Онуфрій попробовалъ уху и произнесъ другимъ тономъ:

— Пospѣла... ушица на славу. Не важная рыбка, да самая свѣжая, то—хорошо.

Онъ снялъ котелокъ, поставилъ его на траву и сталь доставать изъ мѣшка хлѣбъ и ложки.

Уха была дѣйствительно недурная, но Онуфрій ѣлъ вяло, о чемъ то раздумывая.

— Все часомъ, баринъ: сегодня такъ, а завтра и другое на умъ придетъ,—вдругъ произнесъ онъ, не глядя на меня.

— Ты про что?—спросилъ я.

— Да на счетъ того, что сказалъ-то я сейчасъ, про волю это... Не всегда одинакія думы. То воли захочется: бросилъ бы все и пошелъ на всѣ четыре стороны, обошелъ бы весь свѣтъ Божій и всего испыталъ бы. А то нѣтъ тебѣ милѣ этой самой чащи дремучей, забрался бы въ нее и спасался бы на манеръ Божьихъ людей—святыхъ угодниковъ. Сидишь ину пору на рѣкѣ, удишь, а самъ и про рыбу забылъ... Чего-чего не передумаешь... И на Волгѣ-то хорошо: ватаманское житье по сердцу... а тамъ опять и въ скитъ бы ушелъ спасаться. Тоже хорошо. Кругомъ тебя никого ровно: лѣсъ одинъ шумитъ... травка растетъ, цвѣточки разные, птички поютъ... Ну, ручеекъ гдѣ нибудь журчитъ, а то и рѣчка бѣжитъ, рыбки плаваютъ... А надъ тобою-то небушко чистое. И звѣздочки—очи ангельскіе... А ты стоишь и молишься. Это ли не чудесное житье!

Онъ вздохнулъ, и на его лицо, за секунду сіявшее восторгомъ, набѣжала тѣнь грусти.

— Ты любишь лѣсъ, какъ видно,—сказалъ я.

— Да какъ его не любить? Безъ лѣса земля, что голова безъ волосъ, такъ мнѣ думается. Лѣсъ да вода краса земная.

Онъ положилъ ложку и отеръ губы рукавомъ рваного зипуна.

— Пробовалъ я въ городѣ жить,—заговорилъ онъ:—да не смогъ. Тошно стало. Потянуло въ лѣсъ и на рѣку. Сердце стосковалось. А прибыльнѣе было жить въ городѣ, что говорить: харчи готовые, жалованья шесть рублей, никакой заботушки. Живи знай! А стосковалось сердечушко, да такъ стосковалось, что весь міръ сталъ не милъ безъ лѣса-то родного. Бросилъ я все и домой.

— Ты семейный?

— Тогда еще дочь была въ дѣвкахъ и сынъ не померши. А теперь мы вдвоемъ съ бабой. Какъ два перста... Да разумѣнья-то она не моего, не такъ, стало, въ мысляхъ то будетъ. Ругаетъ все меня: шелапуть, говоритъ, ты и только. И тогда ругала: гдѣ бы говорить, жить, а ты этакое мѣсто бросилъ. Нешто дома-то запасу много, что ли? Не смогъ, говорю, по лѣсу-батюшкѣ стосковался. Разозлилась баба, даже плюнула въ сердцахъ: да что тебѣ въ лѣсъ-то, оглашенный! Не дерево кусать-то... А на рыбаченьи немного

наживешь. Ты болѣ воронъ считаешь да на небо глаза палишь, чѣмъ рыбу ловишь. Вотъ какъ она!

— Что же ты ей на это?

— Да что сказать? Что правда,—то правда: рыбакъ я плохой, самъ знаю, и лѣсъ, вѣстимо, не грызть. А что подѣлаю, коли сердце стосковалось. Да и то молвить: многоль для жизни и надобно: есть кусокъ хлѣба да вода—и слава Богу... Ну, картошка когда, рыба, и совѣмъ праздникъ, глядишь... Чего жадничать?

Онъ помолчалъ немного, подбросилъ сухую вѣтку въ пожогъ и заговорилъ опять.

— Нѣтъ, ужъ я не городской житецъ: озолоти—сбѣгу! Мнѣ и здѣсь то въ избѣ иногда такъ сгрустнется, что не вытерпишь и пойдешь на рѣчку, либо въ лѣсъ. И словно на душѣ то полегчаетъ. Сядешь это въ лодочку и поплывешь. Мысли то опять въ головѣ ходуномъ и заходятъ. Будто что съ тобой дѣлается: плывешь на лодкѣ, либо сидишь на берегу, а самъ ни вѣсть гдѣ въ мысляхъ то... И диво же, баринъ: послушаешь, къ примѣру, о какой землѣ дальней, и начнешь о ней думать, и почнетъ тебѣ представляться... И не бывалъ самъ, а слыхалъ только, а такъ оно все представляется, словно и самъ бывалъ, своимъ глазами все высмотрѣлъ. Что значить дума-то... Мудрено все Господомъ устроено. Не даромъ человѣкъъ превыше животныхъ поставленъ. А впрочемъ и то сказать: и тварь смысломъ не обдѣлена. Тоже творенью Господню радуется и понимаетъ. Была у меня собачка Жучка. Возьмешь бывало ее съ собой. Ну, залюбуешься это о какую пору, хоша бы закатомъ солнышка, а то еще лучше на утрѣ, какъ восходить оно, изъ за лѣса выплываетъ, а-ахъ, какая это красота, сердце то трепещетъ, и словъ отыскать не можешь, чтобы хвалу Господу Царю Небесному воздать. А глянешь—и она, Жучка, сидитъ, что вкопанная, и тоже смотреть. Стало быть ей тоже дано понятие отъ Бога

Онъ умолкъ, устремивъ взглядъ на пожогъ, но очевидно онъ думалъ о чемъ-то другомъ, опять унесясь куда-нибудь своимъ мечтами.

Несомнѣнно онъ былъ по натурѣ поэтъ, и, какъ художникъ, любилъ природу, ея красоты. Онъ говорилъ, охваченный волненіемъ, и если бы его мысль прошла черезъ горнило

духовнаго просвѣщенія, она вылилась бы въ другую форму.

— А какія ты пѣсни больше поешь?—спросилъ я Онуфрія.

Онъ очнулся отъ звуковъ моего голоса и посмотрѣлъ на меня.

Я повторилъ вопросъ.

— А разныя—и веселыя и печальныя... какъ па душѣ, такъ и поется.

— И много пѣсенъ знаешь?

— Да знаю.

— Самъ не подбираешь? не складываешь?

— У самого-то не выходитъ. Объ ину пору—кажется, такъ бы и сложилъ пѣсню, потому душой-то чувствуешь и слова знаешь всякія... какія и въ пѣсняхъ, а начнешь подбирать, и не выходитъ: слова-то есть, да безъ складу и ладу. Нѣтъ баринъ, на пѣсню-то, чтобы слагать ее, то же таланъ отъ Бога полагается... кому дапо, а кому и не дано... А и нѣтъ же лучше нашей русской пѣсни... вѣрно сказать! Слыхалъ я, какъ чухны поютъ, али татары, тутъ однаво работали. Куда до нашей пѣсни ихней!

— Ты же не могъ понять, потому что не знаешь ихъ языка.

— Да, что же изъ того, что не могъ? Словъ-то понять, извѣстно, не могъ, а только и по складу и по пѣнью выдать. Мурлычатъ себѣ, а для слуха непріятно совсѣмъ. А то ли наша пѣсня русская... такъ за ретивое и беретъ. Вотъ и ты доволенъ остался. А наемни лавочникъ мнѣ говорить: буде, Онуфрій... сердце все истомилъ... плакать хочется. А пѣлъ я „Не бѣлы снѣга...“ и точно—пѣсня чудесная. И кто только подобралъ ее?

— Да такой же пѣвецъ, какъ и ты... изъ мужичковъ же...

— Вотъ я и говорю: кому, значить, дано отъ Бога, тотъ и можетъ... Пѣтъ люблю, а не подобрать мнѣ. Есть тутъ парень одинъ, у него складно выходитъ, да не то совсѣмъ... Не пѣсня, а такъ разныя припѣвки занятныя.

Костерь началъ потухать. Гдѣ то проскрипѣлъ коростель. Въ лѣсу сова проухала дважды.

— Ишь, филия раскричался,—промолвилъ Онуфрій и перекрестился.

— Чего же ты крестишься-то?—спросилъ я.

— А кто же его знаетъ, кто это.

— Самъ же говоришь: „филя“.

— Може, и онъ, а може, и лѣшакъ... кто знаетъ...

— А ты вѣришь, что они есть?

— Кто?

— Да лѣшаки-то?

— Знамо есть. Кабы не были—не заводили бы людей... а то сколько.

— Тебя водилъ?

— Меня то не водилъ, а крестнаго моего дважды заваживалъ.

— Пьянаго?

— Былъ выпивши, да не гораздо... А ты, баринъ, не вѣришь?

— Не вѣрю.

— И управительскій сынъ тоже говоритъ. Да не можетъ этого быть. Въ лѣсу извѣстно лѣшакъ, а въ водѣ—водяной.

— Тебѣ такъ хочется, чтобы они были?—улыбнувшись, спросилъ я.

— Чего хочется... а есть! И святыхъ они хоровадили... въ книгахъ описано. Дьяволь-то хитерь... Кабы не онъ—и грѣха столько въ мірѣ не было бы. Да вотъ тебѣ баринъ: святой какой-то на чортѣ въ одну ночь въ Ерусалимъ съвзидилъ... чего же болѣ! Глядиико-сь: въ ночь одну. Вотъ-то скоро! И дастъ же Богъ такую власть: самъ дьяволь повинуется... А надъ нами онъ куражится... потому ему служимъ. А кто Богу то служитъ, тотъ его не боится. Ты вѣдь всѣ книжки, поди, прочиталъ и учился... знаешь, какъ прежде-то христіанъ мучили? читалъ?

— Читалъ.

— А они все претерпѣли, потому Богъ помогалъ. Люблю я вотъ тоже „житія слушать“. Эхъ, кабы зналъ грамоту—все бы прочелъ!

— Учись.

— Теперь то, въ сорокъ лѣтъ? Теперь поздно учиться. Ребята просмѣютъ.

— Учиться никогда не поздно.

— Извѣстно: вѣкъ живи, вѣкъ учись, это такъ. Да только не грамотѣ. Видно, такъ и помирать придется.

— Кто же тебѣ читаетъ „житія“?

— А дьячокъ Панкратій. Выпить любить старичекъ, а божественность обожаетъ, не какъ другой: отмахаль въ церкви „аллилуйю“—и знать не хочетъ. Нѣтъ, онъ читаетъ, иида плачетъ даже: вотъ, говоритъ, какъ святые-то, а мы что: пьяницы, блудники. Слабъ онъ, а чувствуетъ и безпрестанно о грѣхахъ сокрушается. Вотъ онъ-то и читаетъ. Я ужь его и угощаю за это.

— Водочкою?

— Когда и водочкой, а то и рыбкой, медомъ. Улейчикъ есть у меня тоже. Ну, онъ и допускаетъ. Я еще съ измальства любилъ о святыхъ-то слушать, хотя и доставалось мнѣ за это. Не одобрялъ тятка.

— Да почему же?

— Ужъ очень я несуразный мальченка былъ. Наслушаювъ разказовъ или книжку выслушаю о святыхъ, да и на себя переиначу.

— Какъ на себя?

— А такъ, что будто это я тоже спасаюсь. Разъ въ лѣсъ забрался, да въ дупло залѣзъ, чтобы въ столбѣ спастись, на манеръ угодника. Ну, и чуть не померъ въ дуплѣ то, на силу вытащили. Тятка то осерчалъ и дерку задаль мнѣ. Вотъ тебѣ и спасся святой въ столбѣ!

Онуфрій кротко улыбнулся. Опять заухала сова.

— Экъ ее—завело!—промолвилъ онъ, зѣвнулъ и пропзнесъ, перекрестивъ ротъ:—А и не спать ли ложиться, баринъ? А то клевъ прозѣваемъ. Я то привыкъ, а тебѣ не встать, гляди.

— Давай, пожалуй, ложиться,—согласился я.—Костеръ потухнетъ скоро.

— И то... Да на что онъ? Вотъ и свѣтаеть. Нонѣ какая ночь,—коротенькая. А пуцай самъ гаснетъ,—не буду и тушить.

Мы отправились въ шалашъ. Мнѣ спать не хотѣлось, но я легъ на сѣно и укрылся пальто отъ мошки, которая только около самага костра оставляла насъ въ покоѣ. Не хотѣлось спать и Онуфрію. Онъ сначала лежалъ молча, потомъ началъ шептать молитву и опять смолкъ. Но мошка его беспокоила. Онъ не вытерпѣлъ, выругалъ „напастъ“ и заговорилъ насчетъ мошки: зачѣмъ-де-она. Отъ мошки перешель къ чему то другому и сталъ высказывать разныя свои мечты.

Началось съ лѣса и дошло дѣло до неба, до будущей жизни. Онуфрій размечтался до того, что сталъ рисовать, что будетъ въ аду и въ раю. Многое было смѣшно, но и не лишено своеобразности. Адъ ему представлялся въ видѣ большого озера, наполненнаго горячею жидкою смолою. И тамъ плаваютъ грѣшныя души. Только какая изъ себя душа будетъ?—допытывался онъ и не могъ рѣшить. Оказывается и дьячокъ Панкратіи не зналъ этого. „Если въ видѣ пара опять же не ладно,—разсуждалъ Онуфрій:—паръ—у твари безсловесной. А я такъ полагаю,—рѣшилъ онъ,—мы вѣдь воскреснемъ съ тѣломъ, стало быть, съ тѣломъ и въ смолѣ горѣть будемъ“.

И отвѣчалъ нехотя, и Онуфрій замолкъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ онъ окрикнулъ меня.

— А что, спите, или нѣтъ?

Я хотѣлъ помолчать, но отвѣтилъ:

— Что тебѣ?

— Не спите? А вотъ что... хотѣлъ я спросить: о Пугачевѣ знаете, небось?

— О Пугачевѣ самозванцѣ?

— Да, да... Что за мѣсто царя себя выдавалъ?

— Такъ что же?

— А дѣлушка мой его живого видалъ. Онъ изъ тѣхъ мѣстъ сюда-то пришелъ...

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— А вотъ я и думаю: что бы было, кабы онъ осилилъ царскую-то рать? Ужли бы за мѣсто царя сѣлъ на престолъ царствовать?

— Сидѣлъ же Гришка Отрепьевъ.

— Это котораго проклинаятъ-то о постѣ?

— Да.

— Откуда же онъ взялся?

Мнѣ лѣнь было рассказывать, да я и боялся „разгулять сонъ“, и потому отвѣтилъ коротко:

— Монахъ былъ... да и захотѣлъ царемъ стать. Бѣжалъ за границу, видалъ себя за царя и пришелъ въ Москву съ поляками, престолъ добывать.

— А ему и повѣрили? Съ поляками, говоришь? Ишь, стало поляки всегда бунтовали противъ русскаго царя?

— Тогда они не были наши... своего короля имѣли.

— А--а! А все-таки, стало, бунтовали, коли вору Отре-

пьеву помогали. Вотъ за это ихъ Богъ и наказаль: и короля лишились, и царство ихнее нашимъ стало!

Я плотнѣе закутался въ пальто и не отвѣчалъ уже на новые вопросы Онуфрія, даже зажмурился нарочно, чтобы показать, что я сплю.

Онуфрій помолчалъ, потомъ всталъ, сходилъ куда-то, вернулся и легъ на свое мѣсто... Я еще не уснулъ, а онъ захрапѣлъ уже и, конечно, не для виду только, какъ я.

Когда я проснулся, солнце высоко поднялось изъ-за лѣса, и весь онъ ожилъ, наполнился веселымъ птичьимъ пѣніемъ. Онуфрія не было въ палашѣ.

Я окрикнулъ его.

— Ась?—отозвался онъ.

— Гдѣ ты?

Онъ вошелъ въ шалашъ.

— Никакъ мы проспали?—спросилъ я.

— Я то не проспалъ... а...

— Что же не разбудилъ меня?

— Да больно ужъ сладко спать то... пожалѣлъ.

— А ты ловилъ?

— Нѣтъ... И солнце же всходило сегодня... Кажись, лучше всѣхъ день... Какъ оглянулся я вокругъ, такъ и выиграло сердце... И помолился я... Вотъ ты говоришь: городъ. Давъ городъ—ни въ жисть такъ не помолиться, какъ здѣсь на берегу, въ лѣсу... И молитвы то вспомнить не можешь, а только думаешь: Царь Небесный! и слезы бѣгутъ...

Лицо Онуфрія словно свѣтилось какимъ-то внутреннимъ нензъяснимымъ восторгомъ.

Вечеромъ этого дня я встрѣтился съ отцомъ Пансіемъ, жившимъ въ церковномъ домѣ, въ двухъ верстахъ отъ Незавидовки. Въ разговорѣ я упомянулъ объ Онуфрїи и о томъ, что мы съ нимъ ходили на ловлю.

— Знаю, знаю его,—произнесъ старичекъ-священникъ,—съ моимъ дьячкомъ большіе прїатели.

— Поэтическая душа у Онуфрія, батюшка,—сказалъ я.

— Вѣрно изволили выразиться: душа восхищенная и въ земномъ какъ бы небесное прозрѣваетъ. Природа его въ восторгъ приводитъ... Дано ему, дано...

Отецъ Пансіей покачалъ головой и продолжалъ:

— Все отъ Бога: Его премудрость видна... Утаилъ сіе

отъ разумныхъ и открылъ младенцамъ. Взять моего Николая. Богословіе окончилъ, а красотъ природныхъ не понимаетъ и ко всему высокому сердцемъ хладенъ. Читаль я стихи какъ-то, не упомяну чьи, а только дѣвушка плакала, какъ лѣсъ рубили. А Николай смѣется. Глупость, говорить... дура, потому и плакала. А вотъ Онуфрій понимаетъ и чувствуетъ. Для него лѣсъ не топливо, а краса Божія.

Отецъ Пансіи сокрушенно вздохнулъ.

— Люблю я Онуфрія,—промолвилъ онъ минуту спустя.— Другіе-то его непутнымъ зовуть. И жена его ругаетъ. Она прямо его въ полоумные записала. А я люблю его. Конечно, человѣкъ онъ невѣжественный, а въ нѣкоторомъ родѣ... перстомъ Божиимъ отмѣченъ! И трезвый человѣкъ,—добавилъ отецъ Пансіи.

— Онъ и безъ вина весель... все пѣсни поетъ,—сказаль я.

— Да, да... И тенорочкомъ... Знаете, поговорка есть,—съ улыбкой произнесъ священникъ,—комаръ вина въ ротъ не беретъ, а вѣкъ пѣсни поетъ... Вотъ и Онуфрій тоже...

III.

Давно было это. Я и забылъ совсѣмъ объ Онуфріи (котораго, можетъ быть, и въ живыхъ уже нѣтъ) и не вспомнилъ бы о немъ, если бы не случайная встрѣча съ Варуломъ на волжскомъ пароходѣ... Раздумывая о парнѣ, я невольно перенесся въ прошлое; что-то общее между Варуломъ и Онуфріемъ, вѣроятно, бессознательно направило мою мысль къ незavidомскому „рыбаку-поэту“, и въ памяти моей воскресъ какъ онъ самъ, такъ и ночь, проведенная на берегу Леденки.

Послѣ обѣда, когда мои спутники „засѣли вплотную“ за карты, я опять отправился въ третій классъ, чтобы повидать Варула и поговорить съ нимъ. Я нашелъ его въ закрытомъ помѣщеніи, на койкѣ. Онъ лежалъ и читаль медленно, вслухъ газету. При моемъ появленіи онъ поднялся и сѣлъ.

— Какая это газета?—спросилъ я.

— „Листокъ“,—отвѣтилъ Варулъ, кладя газету на столикъ.—Да мало занятнаго... Нашъ куда лучше...

— Какой вашъ?

— Московскій.. тамъ исторіишки разныя, интересныя... И

смѣшно и поучительно... А въ этомъ нѣтъ ничего... И непонятно даже...

— „Московскій“ лучше?

— Какъ можно! Я постоянно покупалъ... то одинъ, а то нополамъ съ другимъ пекаремъ.

— Тебѣ Москва нравится... Зачѣмъ же мѣнялъ мѣсто?

— Въ Саратовѣ жалованье больше... Хозяинъ знакомый... недалече отъ нашей деревни. Свое заведеніе открылъ и позвалъ меня.. На два рубля сдѣлалъ прибавку.

По берегу пошелъ густой лѣсокъ.

— Еще не все вырублено,—замѣтилъ я.

— А гдѣ такъ порядкомъ обчищено...

— Все-таки есть гдѣ лѣшему поаукаться,—шутливо сказалъ я.

Варуль разсмѣялся.

— Онъ по нѣ въ прежнемъ почетѣ... кто ему вѣрить, а кто и нѣтъ.

— А ты какъ полагаешь: есть онъ?

— Кто-жъ доподлинно знаетъ... Скорѣе всего, что бабы выдумки. Учитель въ нашей деревнѣ прямо говорилъ: все вранье, нѣту нечистаго.

— А какъ же бѣсъ святыхъ искушалъ?

— То бѣсъ... а не лѣшій.

— Развѣ не все равно?

— Должно быть... а то, можетъ, и нѣтъ... Я не читывалъ...

— Житія-то святыхъ читалъ же.

— Доводилось, да мало... Не охотникъ я до церковной печати. Исторійки интереснѣе... Стишки разные... люблю ихъ... Я изъ „Листка“ даже списывалъ иные... получше, позанятнѣе которые.

— Можетъ быть, и самъ сочинять пробовалъ?

Варуль посмотрѣлъ на меня, но ничего не отвѣтилъ.

— Угадалъ?

— Пробовалъ,—пронзнесъ Варуль съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— И что же? Хорошо?

— По-моему ладно... а тамъ я не знаю.

— Никому не показывалъ?

— Старшему дворнику показывалъ. Онъ тоже стишки возлюбяетъ.

— Что же дворникъ: одобрилъ?

— Говорить ничего, только не такъ складно, какъ у господъ, къ примѣру въ „Листкѣ“ хотя. Ну да гдѣ же: тѣ ученые!

— Есть у тебѣ съ собой стишки?

— По близости нѣту...

— Навѣрное знаешь наизусть?

— На память? Нѣтъ не упомяну... Такъ, кое что... а чтобы все по порядку... гдѣ же?

— О чемъ же ты пишешь? Про любовь?

— Про разное... что на умъ придетъ. Разъ сидѣлъ въ городскомъ саду и увидѣлъ парочку... И описалъ... Эти стишки дворнику больше понравились. А то и про любовь... Одной горничной, которая къ намъ въ булочную все бѣгала, хорошенькій стишокъ написалъ... смѣялась и довольна была...

— Что же написалъ?

— Ну, извѣстно что... дѣвушка что пишутъ?.. О красотѣ, насчетъ чувства...

— Влюбился въ нее?

— Какое тамъ влюбился... такъ... Дѣвушка красивая... Вотъ я ей и написалъ:

Всю-то ночь я не спалъ,
Какъ васъ я увидалъ,
Если бъ чаще вы ходили,
И меня бы полюбили!

— Книжку Кольцова всю прочелъ?—спросилъ я Варула.

— Читалъ... только у меня такихъ не выходитъ... не складываются... А пѣть я ихъ пою... Дворнику не нравятся кольцовскія пѣсни: не занятно, говорить. А я люблю ихъ пѣть. Къ примѣру: „Сяду я за столъ, да подумаю“... Хорошо! Покойникъ дьяконъ страсть какъ любилъ эти пѣсни. А въ городѣ совсѣмъ другое... Смѣшное больше въ модѣ... Здѣсь и не поютъ такихъ то, какъ Кольцовъ сочинялъ..

— Отчего ты въ деревнѣ не жилъ?

— Тятенька взялъ... да и что въ деревнѣ? Скучнѣе, а развѣ легче? Вонъ дворника братовья какъ зовутъ... Не ѣдетъ! Тамъ, говоритъ, одна сѣрость, необразованность. Развѣ можно городъ съ деревней сравнять!.. Веселѣе въ городѣ, лучше.

— Такъ ли? А вадолье деревенское? Ты вотъ Волгой

любовался... а тамъ и горы, и рѣка, и лѣсъ... и воля, и ширь... чего хочешь!

— Какая же въ деревнѣ воля? А горь у насъ и нѣтъ... и лѣсу немного... Рѣка есть... да что же изъ этого?

— Ты любишь природу... Небось, всю ночь не спалъ...

— Это вѣрно, не спалъ... Больно красиво... Такъ вѣдь это что же: этимъ не проживешь. Красиво, красиво, а гдѣ заработать? Въ деревнѣ ѣшь хлѣбъ одинъ... ну, а въ городѣ и кусокъ сладкій и на счетъ удовольствія вольно... А что въ деревнѣ? Рѣка есть... Чтожъ изъ того? Не Волга, не стоитъ смотрѣть то: бѣжить себѣ, никакой красы нѣту въ ней!

— Развѣ красива только Волга?

— Вотъ Днѣпръ еще хорошъ. Повидалъ бы... Можетъ и увижу: поживу, понакоплю, да и въ Кіевъ... Посмотрю, а тамъ, если подойдетъ линія, и останусь... Читалъ я про Кіевъ стишки... ну, это куда еще лучше, чѣмъ въ „Листкѣ“.

— А про Волгу читалъ? Про Стеньку Разина?

— Про Стеньку знаю... Разбойничья душа... въ родѣ Чуркина... да еще почище. Погулялъ въ волюшку, да и головой поплатился... Я про него занятную исторію читалъ: цѣлая книжка такая, тамъ и про князю описано, которую въ Волгу онъ кинулъ... Книжка любопытная... Я про Ермака еще читалъ... Давно все... Нонѣ такъ то нельзя...

— Отчего?

— Живо сымаютъ... нонѣ и чугунокъ и пароходы... и что если—сейчасъ депешу: взять его! А тогда полдѣла было... И войска нонѣ больше... пошлютъ, скорехонько справятся... Не нагуляешься... Да какая это только воля... такъ и говорится: воръ Стенька Разинъ... чего хорошаго!..

— Не нравится тебѣ такая жизнь?

— Разбойничья то? Послѣднее дѣло.

— А какая же лучше?

— Спокойная... вотъ бы заведенье свое, хозяиномъ стать, и живи... Тутъ тебѣ всякая воля... И по Волгѣ катайся, и въ Кіевъ... Можно и въ Соловки съѣздить... море посмотрѣть. Куда хочешь—туда и поѣзжай. И книжку почитать досужно... Есть на что и гармонью самолучшую купить... Э, да съ деньгами какъ не жить!... Ни въ чемъ препятствія не будетъ...

— И домикъ свой хорошо имѣть,—подсказалъ я.

— Ну, въ Москвѣ ежели—трудно. А такъ, въ губерніи, домикъ хорошо... На берегу рѣки, съ садикомъ. Цвѣтовъ насадить. Цвѣты я люблю.

Пароходъ далъ протяжный громкій свистокъ.

— Что это... никакъ пристань? — промолвилъ Варуль, повертывая голову.

Онъ всталъ съ мѣста и подошелъ къ выходу.

— Пристань и есть... Вотъ это ладно... Куплю чего нибудь... Поѣсть да и чайку попить... На разсвѣтъ завтра и Саратовъ... а вы далече ли ѣдете?

— Въ Астрахань,—отвѣтилъ я.

Лежавшіе пассажиры начали вставать съ своихъ мѣстъ. Раздался новый свистокъ.

Варуль надѣлъ картузь и произнесъ съ сожалѣніемъ:

— Ужъ задѣсь нашей московской саечки, либо калачика не поѣшь... Муки вдоволь, а печенье не то!..

— Ну, всего хорошаго на новомъ мѣстѣ,—сказалъ я, прощаясь,—рано утромъ завтра сходишь... больше не увидимся.

— Да ужъ на зарѣ... Счастливаго пути!

IV.

Прошло три года. Я забылъ о Варулѣ, о которомъ вскорѣ справлялся у пріятеля, жившаго въ Саратовѣ, но пріятель ничего не отвѣтилъ мнѣ на вопросъ о „поэтѣ-пекарѣ“. Въ концѣ минувашаго лѣта я натолкнулся на молодого полотера, пишущаго} стихи и мечтающаго издать ихъ отдѣльной книжкой. И вотъ мнѣ опять вспомнились Варуль и Онуфрій, и я рѣшилъ описать мои встрѣчи съ ними. Я сдѣлалъ наброски и само собою напрашивается сравненіе между обоими—Варуломъ и Онуфріемъ. Между ними есть несомнѣнно что-то общее, но въ то же время они и рѣзко отличаются другъ отъ друга.

Онуфрій жилъ природою, и поэзія лѣса, раздолья вошла въ его плоть и кровь; онъ не могъ безъ сердечной боли и тоски оторваться отъ природы и бѣжать изъ города. Въ глуши все было ему мило. Онъ ни пуждался въ картинахъ,

своей яркостью, броскостью раздражающихъ чувство. Онъ во всемъ видѣлъ красоту и поэзію: и въ лѣсной рѣчкѣ, и въ самыхъ обыкновенныхъ цвѣточкахъ, и въ томъ, что рыба плещется, птички чирикаютъ. Своимъ простымъ чуткимъ сердцемъ онъ какъ бы понималъ жизнь каждой былинки. Его сердце на все отзывалось, и мечты увлекали его. Онъ—цѣльная поэтическая натура, ничѣмъ не отравленная, не испорченная. Онъ могъ очутиться и въ шайкѣ Разина, и въ монастырскомъ скиту, потому что изъ такихъ выходятъ и вольные молодцы, и люди беззавѣтнаго подвига. Онъ не могъ со стороны любоваться, какъ любитъ природою буржуа и изломанный интеллигентъ; онъ жилъ и дышалъ природою. Онъ не умѣлъ складывать пѣсенъ, но если бы обладалъ этой способностью, то былъ бы однимъ изъ невѣдомыхъ творцовъ-пѣвцовъ тѣхъ безыскусственныхъ, за сердце хватающихъ пѣсенъ, которыя раздаются на всемъ необъятномъ просторѣ земли Русской. Его не интересовали „происшествія“ которыми наполняются хроники газетъ, не къ „листкамъ“ лежало его сердце, онъ заслушивался разсказами о жизни святыхъ и, если бы зналъ грамоту, зачитывался бы четырьмяминьями. Онъ не мечталъ о сладкомъ житиѣ, о тепломъ уголкѣ. Въ убогой избенкѣ, довольный малымъ, онъ жилъ въ мірѣ грезъ и былъ счастливъ ими. Пѣсня заставляла его все забывать. „Безъ пѣсни и жить нельзя бы“,—его собственное выраженіе.

Не таковъ Варуль.

Онъ, несомнѣнно, знаетъ больше, чѣмъ Онуфрій (все-таки учился въ школѣ, хотя и не кончилъ, и заимствовалъ кое-что отъ дьякона), онъ не станетъ креститься при раскатахъ грома, потому что ему извѣстно „лектричество“, не имѣющее ничего общаго съ колесницей пророка Ильи. Лѣшій для него выдумка. И онъ практичнѣе Онуфрія, онъ матеріалистъ, тогда какъ тотъ идеалистъ. Онъ разобщенъ съ природою, она ему уже не нужна, какъ воздухъ; вслѣдствіе поэтического склада натуры онъ любитъ природою, и то тогда, когда она проявляется эффектно. Простая будничная красота его не трогаетъ. Только по временамъ его душѣ доступны восторгъ. Его уже отравилъ городъ отрицательными сторонами своей жизни, на немъ сказалось вліяніе уличной прессы и ея фальсифицированной поэзіи. Онъ мечтаетъ о жизни

обезпеченнаго мѣщаннина, и ему чужда молодецкая удаль, непонятна прелесть подвига. Его идеаль — свое заведеніе, домикъ съ садикомъ и, конечно, книжка въ сберегательной касѣ, а то и чековая въ банкѣ. Онъ восхищается „праведностью“ дьякона, но самъ неспособенъ на нее. Разумѣется, поэтичность натуры ставитъ его выше другихъ людей той же среды и съ тѣми же возделѣніями.

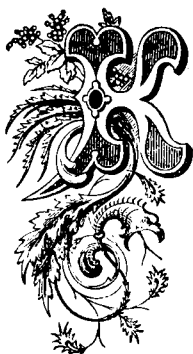
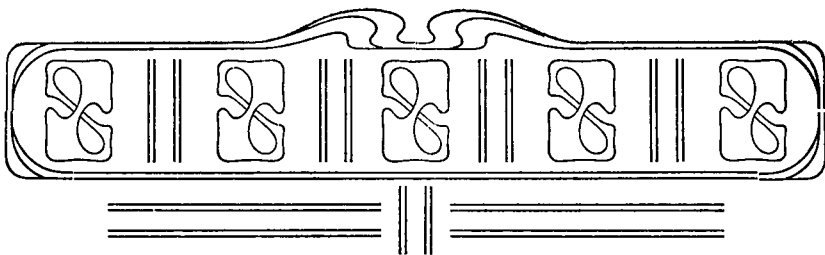
Онъ уже можетъ складывать стишки, но они близки къ тѣмъ, которыми восхищается старшій дворникъ, видящій въ деревнѣ „одну сѣрость и необразованность“. Встрѣча съ дьякономъ, человѣкомъ, тонкаго чувства и поэтическаго темперамента, не прошла безслѣдно для Варула. Онъ полюбилъ кольцовскія пѣсни, но писать въ этомъ духѣ не можетъ. Онъ не настолько грамотенъ, чтобы сочинять стихи для печати, и не мечтаетъ о сборникѣ своихъ стихотвореній на манеръ самоучекъ самаго послѣдняго чекана, которые въ стихахъ шаблонно тоскуютъ о томъ, что уже давно для нихъ чуждо и ненужно. Не будь Варуль поэтической натурой и не повстрѣчай онъ въ юности дьякона, сильно повліявшаго на него, онъ расцѣвалъ бы фабричныя пѣсни въ родѣ слѣдующихъ:

А я милую, хорошую,
Хвачу по уху калошею!

„Поэтическая жилка“ и „соловей дьяконъ“ — уберегли пока Варула отъ такого духовнаго развращенія.

ПАКОСТНИКИ.

I.

омнатка постоялаго двора, гдѣ я ночеваль, была очень маленькая и низенькая.

— Кажется, душно будетъ спать,—сказаль я наканунѣ отцу хозяина, пожелавшему мнѣ „спокойной ночи“.

— А вы окошечко не затворяйте, воздухъ и не сопрется... Подъ утречко-то посвѣжѣть.

Спать съ открытымъ окномъ оказалось невозможнымъ. Полетѣли комары и затянули свои монотонныя пѣсни. Я заперъ окно. Въ комнатѣ наступила духота. Я долго не могъ уснуть, забылся наконецъ тяжелымъ сномъ и пробудился рано, съ болью въ головѣ. Я отворилъ окно, чтобы освѣжиться и надышаться чистымъ воздухомъ. Откуда-то потянуло запахомъ скошенной травы. Ясное утро обѣщало чудный теплый день... Я откинулся на спинку стула, и задремаль. Вдругъ я услышалъ тоненькій голосъ—не то женскій, не то дѣтскій.

— Мишка, ты спишь?

— А-а?—отозвался другой голосъ, принадлежавшій болѣе возмужалому человѣку, но все-таки не взрослому мужчинѣ.

— Будетъ тебѣ дрыхнуть... Идти надо... аль отдумаль?

— Не... иду!

Послышался громкій звѣнокъ.

Я выглянулъ въ окно.

На дворѣ, на грудѣ теса, лежали два мальчика подростка. Вѣриѣ сказать—лежалъ одинъ, лѣтъ 16—бѣлокурый, съ продолговатымъ лицомъ, покрытымъ веснушками; онъ лежалъ

на спинѣ, со сложенными на груди руками и съ закрытыми глазами. Другой молодежь на годъ, а то и на два—уже полуподнялся и свѣсилъ босыя грязныя ноги съ теса. Лица его мнѣ не было видно, потому что онъ повернулся къ окну затылкомъ, и притомъ длинныя пряди рыжихъ волосъ падали на лобъ. О годахъ я заключилъ по худой, еще не сформировавшейся фигурѣ.

— Коли идешь, такъ вставай, неча валяться,—сказалъ онъ.

— Спать охота, Васька!

— Ишь, идоль! а пошто долго съ Малашкой гулялъ вчера?

Мишка молчалъ.

— Чаво молчишь-то? Тебѣ говорю... И нашель тоже—курносую!

— Небось, твоя Вѣрка лучше?

— Извѣстно лучше... Да что мнѣ Вѣрка... Севодни Вѣрка, а завтра—Катка... Ха, ха, ха!

— А все съ Вѣркой вожжаешься... знать люба почему ни на есть...

— Дѣвчонка веселая.

Мишка опять зѣвнулъ и промолвилъ лѣниво:

— И попадешься ты Аванасью... задасть онъ тебѣ звону.

— А што?

— Дѣвчонку захороводилъ.

— Эво! Нѣшто дитѣ она малое... Съ разумомъ, чать,—цинично произнесъ Васька и захохоталъ.

— Не безъ языка, чать она... скажетъ...

— Мало-ль што она скажетъ!... а пуцай и вѣритъ... не булгу же поднять... Сами не захотятъ болтать... Да ты вставай, чаво взаболъ!

Я былъ пораженъ слышаннымъ. Вотъ—экземпляры!... Неужели они не были въ школѣ? Гдѣ же ея вліяніе? Говорятъ, въ городѣ портятся... а вотъ вамъ и деревня. Неужели такъ глубоко проникла сюда порча, что дѣвчонка (не взрослая же, конечно) отдается съ легкимъ сердцемъ какому-то негодяю. Что толкаетъ?

— Черви наготовѣ?—раздался голосъ Мишки.

— Вѣстимо... Я и косушку припасъ... разошьемъ тамо, а послѣ искупаемъ.

- Ловкачь ты, Васька!
- Не въ тебя—рохлю.
- Ну, ты не больно... бахвалься!

Заскрипѣли тесины, и Мишка слѣзъ на землю. Черезъ нѣсколько минутъ пріятели отправились на рѣку.

II.

Я пилъ чай, когда вошелъ ко мнѣ отецъ хозяина, сѣдой старикъ, съ длинной бородой клиномъ, съ лицомъ, изборожденнымъ мелкими морщинами. Онъ помолился на образъ и поклонился мнѣ, щуря выцвѣтшіе слезившіеся глаза.

- Ишь какъ солнце-то бьетъ въ стѣну... Чай да сахаръ!
- Спасибо.
- Скоро ѣдешь-то?
- А что? Лошади заняты?
- Нѣту... лошадь найдется... да везть некому. Кабы не сичасъ, такъ Мишка бы тебя довезъ.

— А долго ждать?

— Зачѣмъ долго... какихъ часа три, не болѣ... Онъ съ ловли поздно, паршивецъ, вернулся. А тутъ до поселка надоть было спослать... Воротится... и поѣзжай!

— Ладно, дѣдъ. Ты что стоишь? Говорять, въ ногахъ правды нѣтъ. Садись!

- Какая нонѣ правда! Ни въ чемъ ея нѣту.
- Чайку не хочешь-ли?—предложилъ я.
- Покорно благодаримъ! Напился вдоволь. Кумъ Михей зашелъ... и почайничали.

Однако, старикъ присѣлъ на табуретъ, стоявшій у лѣжанки.

— Въ Питерѣ служишь-то?—полюбопытствовалъ онъ, управляя ситцевую рубаху, надѣтую сверхъ нанковыхъ шароваръ, забранныхъ въ сапоги.

- Въ Питерѣ.
- Помню твоего дѣдушку... Строгій баринъ! Взыскъ любилъ. Оно и хорошо...
- Хорошо?
- Еще бы! Безъ взыску што?—забудетъ челоуѣкъ и из-

балуется... Вона Мишка... я бь его дралть, дралть, да и опять дралть... А Петруха потекаетъ.

— А кто такой Васька?

— Про какого ты Ваську спрашиваешь?

— Съ твоимъ внукомъ на ловлю ходилъ... Изъ окна я видѣлъ; они спали на тесѣ.

— Дружокъ энтотъ... не разлей ихъ водой... Оба баловни! Я бы и того-то дралть. Безъ отца растеть... вольница!

— За что ты недоволенъ внукомъ?

— За баловство, за что же иное! Отъ рукъ отбился... Хватишься,—а онъ по рыбу! рази дѣловъ мало? Не махонькитъ... скоро шешнадцатъ стукнетъ. Еще взялъ моду курить, сорванецъ! Тово и гляди, спалитъ!

— Что же отецъ?

— Что Петруха... баба онъ, одно слово! Слюняй! Кабы была прежняя пора... не то бы и дѣялось... а теперь... вольница все...

— Теперь мальчишки пьютъ даже.

— А что бы ты думалъ? И какъ пьютъ-то! Да я самъ видалъ, какъ Васька пьяный къ домамъ шель... Говорилъ опосля матери... да ей гдѣ сладить... гляди, пожалуй, и вдаритъ.

— А внукъ твой не пьетъ?

— Не доводилось увидать... А кто же ево знаетъ... мудренаго нѣтъ!... Дружки вѣдь... Нѣтъ, ты вотъ что: слышалъ я, что онъ ужъ за дѣвками вяжется. Я ему ономясь и сказалъ: ну, говорю, увижу, пымаю тебя съ Малашкой, всѣ космы оборву.

— А кто эта Малашка?

— Такая бобылка тутъ.

— Почему ты думаешь, что съ ней, когда не видѣлъ?

— По деревнѣ говорить... со стороны то виднѣе... Я и ловить принимался... да этотъ Васька дока... даромъ, что мальчишка, нашего моложе... упредить дружка.

— Раненько, дѣдь!

— На пакость всѣ охочи... Глядючи одинъ на другого... да вѣдь што: бахвалятся, безстыдники! Ужъ и дѣвки же нонѣ стали... совеъмъ стыда нѣтъ. Пьютъ не хуже мужиковъ, а ужъ колн это... такъ долго-ли и до грѣха.

— Въ школѣ твой внукъ учился?

— Учился... Да что школа? Хорошее скорѣе забывается... да и гдѣ хорошее? Самъ-то учитель горькій пьяница и срамникъ!... Его чуть въ Яминовѣ парни не вздули: за дѣвками началъ гоняться!... Какой тутъ примѣръ! А возьми хоша заводскихъ... послѣдній народъ: ни гроша за душой, ни Бога въ душѣ!... Повздорятъ и пошла поножовщина... а касаемо срамничества—и не говори лучше!

— Фабрики портятъ, это вѣрно, дѣды!

— Да и вообще, которые въ Питерѣ, либо Москвѣ пожили... пропацій народъ. Къ трактирамъ да кутежкѣ привыкли... вотъ и сюды грязи-то нанесли... Другой ещо съ болѣзнью придетъ... Самъ-то гнѣтъ и прочіе черезъ нево болѣютъ...

— А священникъ? Какъ отецъ духовный, онъ долженъ вразумлять!

— А што онъ подѣлаеть? и ево это не касаемо! Службу свою онъ знаетъ, ему пошто ввязываться! Народъ разбойникъ... и попу, гляди, не дасть спуску... Да и нѣшто одни крестьяне такъ-то? Вотъ лаптевскій барчукъ какъ въ училищѣ-то ещо былъ, да на вакацію пріѣзжалъ, и то срамникъ срамникомъ!... Не стали и дѣвокъ къ евонной теткѣ въ услуженіе отпущать: какая ни есть—обольститъ, и пропала дѣвка. А теперь и хуже. На охоту ѣздить, мужиковъ спаиваетъ, да и озорничаетъ... Глашка была дѣвка смирная, хорошая... улестилъ и погибла изъ-за него. Правду твой дѣдушка говорилъ: „не тотъ грѣшникъ, кто самъ грѣшитъ, а тотъ, кто другихъ на грѣхъ сманиваетъ“... Такъ и есть!

— Савельичъ, ты гдѣ?—раздался голосъ изъ сѣней.

— Здѣсь... што тебѣ?—отозвался старикъ.

— Подъ сюды... Аверьянъ тебя спрашиваетъ.

— Пошто ему? Сичасъ... Такъ ты подождешь, стало? — обращаясь ко мнѣ, промолвилъ дѣды.

— Подожду.

— И ладно... Самоваръ-то можно и сызнава нагрѣтъ, коли хочешь!

Онъ тяжело поднялся съ табурета и направился къ двери, сгорбившись и шаркая ногами.

III.

Становилось все жарче и жарче. Дойдя, черезъ огороны до рѣки, я выкупался и прилегъ на траву, за кустами ивняка. Кругомъ царила тишь. Рѣка словно замерла. Только изрѣдка то здѣсь, то тамъ всплескивалась рыбешка, оставляя на поверхности небольшіе круги. Въ воздухѣ была разлита истома, и эта истома коснулась и рѣки и прибрежныхъ кустовъ. Все погрузилось въ дрему. Меня самого начало клонить ко сну... Но вдругъ я услышалъ приближающіеся шаги и громкій голосъ. Я не разобралъ словъ, но въ голосѣ мнѣ послышались слезы.

— И чего ты реवेशь, Танька? ну, не дура ли... а?—перебилъ сильный теноръ.

Они приближались ко мнѣ.

— Попусту ты реवेशь, — продолжалъ тотъ же голосъ и добавилъ:—истомился я съ тобой на этакой жарницѣ... Присѣсть бы хоть на минутку... чать, и ты устала... Садись!

Я слышалъ, какъ онъ опустился на землю, и черезъ мгновение что то ударилось о воду. Должно быть, онъ бросилъ камень въ рѣку.

Татьяна, вѣроятно, не сѣла, потому что онъ повторилъ:

— Что жъ, стоять будешь? Садись.

— Чего мнѣ сидѣть съ тобой! — промолвила она сквозь слезы:—ты надо мной наругался, а я съ тобой стану разсуживать.

Онъ засмѣялся.

— Вотъ дура то... право дура! Зачѣмъ же ты шла?

— Ничего я не шла... развѣ я для чего нибудь шла!

Она вдругъ вскрикнула и неожиданно закончила:

— Подлецъ ты, и больше ничего!

— Ты не ругайся!

Она вдругъ обозлилась.

— Тебя-то не ругать? Тебя-то? да не ты ли загубилъ меня? Не ты улестилъ? Карпуха жениться хотѣлъ...

— Кто жъ ему мѣшаетъ... пушай женится!

— На мнѣ... теперь-то?

Въ ея голосѣ послышалось удивленіе, соединенное съ презрѣніемъ къ себѣ.

— А что же такое? Развѣ тебя убыло? Какъ была, такъ и осталась... Еще такому губошлепу да разбирать!

Онъ хихикнулъ и началъ насвистывать какую-то пѣсню. Наступило молчаніе.

Миѣ хотѣлось увидѣть обоихъ, но я боялся, что шорохомъ при движеніи обнаружу свое присутствіе. Однако, осторожно на локтѣ я попробовалъ передвинуться къ тому мѣсту, гдѣ былъ узенькій просвѣтъ между кустами.

Въ нѣсколькихъ шагахъ на обрывѣ къ рѣкѣ, сидѣлъ молодой парень, лѣтъ двадцати трехъ. Брюнетъ, съ живыми какъ говоритъ самъ народъ, съ «разбойничьими» глазами съ дерзкой усмѣшкой на губахъ, онъ представлялъ полный контрастъ русой дѣвушкѣ, невысокаго роста, худенькой, похожей больше на городскую барышню, чѣмъ на обитательницу деревни. Тонкія черты продолговатаго, бѣлаго, нисколько не загорѣвшаго личика, не были лишены интеллигентнаго выраженія. Розовой платокъ, покрывавшій голову дѣвушки и завязанный подъ подбородкомъ, выдѣлялъ рельефно, какъ рамка картину, это личико, освѣщенное нарой голубыхъ грустныхъ глазъ, на которыхъ застыли крупныя слезы. Дѣвушка продолжала стоять, понутивъ голову и глядя куда-то вдаль.

Парень посмотрѣлъ на нее съ усмѣшкой и потянулъ за платье.

— Садись... Дай я тебя поцѣлую напоследокъ.

Дѣвушка очнулась отъ забытья.

— Оставь!—воскликнула она, отталкивая руку парня.

— Чего злишься-то? аль для Карпухи бережешь себя?

Эти слова точно ожгли Татьяну.

— А тебѣ что за дѣло? И что ты думаешь... не возьметъ онъ меня?

— Кто тебѣ говорить? Сама же сказала, что не женится теперь на меня свалила!

— Нарочно это, нарочно! Слово скажу и съ радостью возьметъ!

— И чудесное дѣло!.. Честнымъ пиркомъ да и за свадебку... Попируемъ... А все же на последокъ-то, Татьяна... поцѣловать можно, чай!

Онъ снова протянулъ руку.

Дѣвушка измѣнилась въ лицѣ.

— Не тронь, говорю тебѣ!..—закричала она.— Любились...

Дура я была, что вѣрила... А теперь ты постыль мнѣ... хуже врага всякаго... плюнуть въ глаза твои безтыжіе и... все тутъ!

— Ну, вотъ! — произнесъ парень съ улыбкой: — понимай тебя!.. А не сама-ль ты о свадьбѣ говорила, чтобы я женился на тебѣ, значить... ты же и приставала!

— А ты думаешь я и взаправду? Я нарочно... пытала тебя... сколь, значить, совѣсти въ тебѣ... Да гдѣ ей быть... Всю, видать, съ Малашкой потерялъ... Ступай, къ ней.

— Ну, это вы занапрасно, Татьяна Григорьевна!.. мы сами знаемъ, что и какъ... насъ не учите!.. были вы-съ, найдутся и чище васъ... Что мнѣ Малашка! А вы о себѣ то что жъ... насчетъ Карпухи... Я вотъ его встрѣчу и проздравлю.

— Ты? ты... скажешь?

Она задрожала отъ гнѣвнаго волненія, и голосъ ея прервался.

— Да я... сама ему все скажу!.. Пусть онъ тебѣ перерветъ глотку, подлый ты этакій!

— Руки коротки! Кто еще кому перерветъ! Да и то сказать: какой же интересъ вамъ?.. Меня убьютъ, мужа въ торгу... вы то при чемъ будете?

Его лицо приняло наглое выраженіе, отчего, несмотря на свою красоту, оно стало отвратительнымъ.

— Господи! Господи!—вырвалось со стономъ у Татьяны:— и гдѣ глаза были у меня... Видать было, что за человѣкъ... словно вѣдь ума лишилась!..

Въ безсиліи она невольно опустилась на землю и слезы ручьемъ побѣжали изъ глазъ...

Выраженіе лица у парня не измѣнилось. Прищуривъ одинъ глазъ, онъ нагло глядѣлъ на плакавшую дѣвушку.

— Да о чемъ убиваться-то,—промолвилъ онъ, помолчавъ:— вѣдь Карпуха женится... обзаконитесь и будете жить стало какъ всѣ прочія... аль не сладко идтить за губошлепа и рябого... а?

Дѣвушка продолжала плакать, всхлипывая.

Онъ заговорилъ опять:

— И все это дурь дѣвичья, право! Извѣстно, не сласть какая... Да что же... Вотъ вы, Татьяна Григорьевна, изволили какъ меня изругать... а я по прежнему все...

Дѣвушка вдругъ смолкла; она поднялась на ноги, выпрямилась и промолвила, глядя въ упоръ на сидѣвшаго парня:

— И ты... ты это говоришь? Да тебя задушить мало, подлаго... и кабы сила была... я... не знаю что съ тобой сдѣлала бы!...

Въ ея глазахъ блеснулъ такой злой огонекъ, что мнѣ подумалось: вотъ, вотъ сейчасъ она бросится на него, какъ бросается въ иступленіи кошка на врага, хотя тотъ ея сильнѣе, и однимъ движеніемъ можетъ задушить ее.

Но дѣвушка быстро повернулась и пошла по берегу къ деревнѣ.

Парень посмотрѣлъ ей вслѣдъ и присвистнулъ.

— Эхъ, Танечка,—промолвилъ онъ, поправляя картузь:— занапрасно изволите гнѣваться... что же... не угодно, и не надо... Хороши вы, да и не хуже васъ есть.

Онъ поднялся, зѣвнулъ, досталъ изъ кармана коробку съ папиросами, раскурилъ и пошелъ опять въ ту же сторону къ лугамъ, откуда пришелъ съ дѣвушкой. Скоро до меня донеслась разухабистая заводская пѣсня.

Я отправился на постоянный дворъ.

IV.

У воротъ я встрѣтилъ дѣда.

— А мы тебя хватились... думали на огородѣ: нѣту!.. — сказалъ старикъ.— Ъхать можно... Мишка и лошадь запрягъ... аль закусишь маленько на дорогу?

Я отказался.

— Ну, такъ и въ путь. И то сказать: въ Ларевѣ поѣшь... Тамъ Матрена такія щи важныя варить, пожалуй и въ Питерѣ не лучше... Исправникъ завсегда обѣдаетъ... и пироги печь мастерица... Только вотъ будень, а то бы попробовалъ пироговъ... конфета, одно слово!.. Мишка!.. оболокайся!

— Чего мнѣ... я въ рубахѣ!—отозвался парень изъ сарая.

— Сапоги надѣнь, дурья голова!.. Да спинжакъ захвати.

— Не надо! Куды такую жарынь... безъ сапогъ легче... Я вотъ калоши... отъ мухъ только.

Онъ вывелъ пѣгую лошадь, запряженную въ телѣжку, съ кожанымъ сидѣньемъ... Мнѣ показалось, что Мишка немножко навеселѣ... Но онъ ходилъ совсѣмъ твердо, даже сбѣжалъ съ лѣстницы, неся мой чемоданчикъ.

— Багажъ-то легокъ... безъ приплаты, значить!—сострилъ онъ, укладывая чемоданчикъ подъ сидѣнье.

— А ты не болтай зря,—остановилъ дѣдъ:—садись, вотъ тебѣ и все.

— Развѣ я что худое... я такъ пошутилъ только!

— А можетъ и не желательны твои шутки-то... ты какъ думаешь?—сказалъ старикъ.—Спросять, отвѣчай... а самъ не лѣзь!.. Ну, и народъ нонѣ... молокососы, а зубъ за зубъ...

— Пошелъ теперь... заскрипѣлъ!—пренебрежительно, подъ носъ себѣ произнесъ внукъ, вскакивая на козлы.—Эй, пѣгашка, дѣйствуй!

Онъ повернулъ лошадь и остановился около меня.

Я простился съ дѣдомъ и сѣлъ въ телѣжку.

— Осторожнѣй, гляди!—промолвилъ старикъ:—да назадъ не гони зря.

— Не впервой, небось! Учитъ!—огрызнулся Мишка.

— Знаю тебя... лихачъ!.. Не жаль скотины... Не учи васъ..

Но Мишка дернулъ возжами, лошадь тронула, стукъ колесъ заглушилъ слова дѣда.

Мишка повернулся ко мнѣ и промолвилъ задорно:

— Ужъ прокачу васъ... пуцай сердитая старина!

— Зачѣмъ же это, лошадь...

— Да вы что думаете,—перебилъ парень:—не казиста пѣгашка, а прити хоть отбавляй... горячій конекъ!

Онъ, видимо, въ рѣчи подражалъ взрослымъ ямщикамъ.

— Некуда торопиться, успѣемъ,—сказалъ я.—Задержи-ка немножко, дай закурить.

Я досталъ изъ кармана портсигаръ.

— А спички у меня есть,—произнесъ Мишка и подаль мнѣ коробокъ сѣренокъ.

— У меня свои! Ты развѣ куришь?—спросилъ я его.

— А ужли нѣтъ, если будете добры...

— Рано, братъ, тебѣ!

— Какъ рано? Да мнѣ, вы какъ думаете, сколько лѣтъ?

— Пятнадцать, сказалъ твой дѣдъ.

— На Николу шешнадцать будетъ!

— Все-таки рано.

— Ну вот! Да нонѣ сопляки, по двѣнадцатому году, и тѣ сосутъ.

— И скверно.

— А чего? Сперва-то, точно, тошнило, и голову даже несло... а потомъ и ничего....

Онъ протянулъ руку, въ полной увѣренности получить папироску. Я рѣшилъ, что входить въ роль учителя безцѣльно и далъ ему папиросу.

— Вотъ и подымимъ!.. Ъхать веселѣй!..

Онъ закурилъ, бросилъ съ особеннымъ маневромъ спичку на дорогу и прикрикнулъ на лошадь. Пѣгашка былъ дѣйствительно изъ горячихъ коней. Но я снова остановилъ Мишку. Мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ, а быстрая ѣзда и стукъ колесъ по твердому шоссе мѣшали разговору.

— Потише, пожалуйста!.. я не люблю скорой ѣзды!.. — сказалъ я.

Мишка пожалъ плечами.

— По мнѣ все равно... коли не хотите, можно... А только всѣ любятъ быструю ѣзду!

— А я не люблю... Да и что за ѣзда на одной... На тройкѣ я еще понимаю.

— Эхъ, на тройкѣ важно!.. Вотъ у исправника важная тройка... Всѣ бѣлые... красота!

— Ты часто возишь?

— Бываетъ... Особливо безъ тятки... Онъ на ярмарку уѣхалъ... Коней тоже будетъ покупать... А работникъ-то за-невозможилъ чего-то... а то пожалуй и вретъ... на дѣда осерчалъ, ну и не хочетъ...

— За что же разсердился на дѣда?

— Развѣ онъ не прискучить... все пилить... походя ворчить.

— Онъ строгій, любить порядокъ...

Лошадь бѣжала трусцей. Мишка обернулся совсѣмъ ко мнѣ лицомъ.

— Ну да, порядокъ! — недовольнымъ тономъ произнесъ онъ: — чего онъ смыслить... изъ ума выжилъ... а туда же учить, наблюдать лѣзетъ!

Мишка вдругъ громко засмѣялся.

— Потѣха лонись была, да и только,— проговорилъ онъ

бросая окурокъ. — Пымаль какъ-то онъ меня съ цыгаркой... и Васька тутъ же былъ... пріятель мой... Ну, онъ и улизуль, а меня дѣдъ и сцапаль... Ты, говорить что это... курить? ахъ ты, такой, сякой... Гляжу, ищеть вожжину... Я бы убѣгъ... гдѣ ему удержать... да ужъ не захотѣль: дай, думаю, посмотрю, какъ онъ учить станеть... Вотъ это взялъ онъ вожжину, и ну меня хлестать... Смѣхъ меня пробраль... Онъ-то хлещеть, а мнѣ ни чуточки не больно... Вопрѣлъ старикъ, а мнѣ хоша-бы што... Прикончилъ онъ и говорить: будетъ съ тебя! станешь помнить? А я ему на это и говорю:—коли не усталъ, потѣшься еще... мнѣ любо... ровно чешешь спину-то... Осерчалъ дѣдъ!

— Развѣ такъ можно?—замѣтилъ я.

— Чего же онъ суется?.. Тятка молчитъ, а онъ лѣзеть... И гдѣ ему меня учить... Ему за тараканами на печи охотиться въ самую пору... Тятка и то говорить: грѣхъ мнѣ съ нимъ, да и только... Эй, куда, Дуня?.. садись, подвезу!—неожиданно закончилъ Мишка, обращаясь къ кому-то.

Я повернулъ голову и увидѣлъ молодую дѣвушку, сидѣвшую на обрѣзѣ шоссе. Возлѣ нея лежалъ какой-то свертокъ. Я не успѣлъ разсмотрѣть лица дѣвушки, но меня только поразило тотъ странный взглядъ, какимъ она посмотрѣла на насъ. Когда мы проѣхали, я оглянулся: дѣвушка продолжала сидѣть, но узелъ уже плотно прижала къ себѣ.

— Кто это?—спросилъ я у Мишки.

— Сумасшедшая Дунька.

— Здѣшняя?

— Изъ нашей деревни.

— Отчего она сошла съ ума?

— А со страху... Отецъ больно строгъ, ну, и мачиха презлющая... А тутъ она, Дунька-то, съ ямщикомъ нашимъ познакомилась.

— И что же?

— Да то, что и бываетъ... Ну, узнала мачиха... Почала ее бить... Она мертваго родила... да такъ и лишилась ума... Видѣли у нея узелокъ-то?

— Видѣлъ.

— Завсегда съ нимъ... Это она своего маленькаго носить... качаетъ... И какъ только увидить кого... Сичасъ прижметъ къ себѣ узелъ... Потому ее пугаютъ: Дунька, мы у тебя ребенка-то твоего отымемъ!

Мишка рассказывалъ это со смѣхомъ. Мнѣ онъ становился и жалокъ и гадокъ, но я постарался скрыть свое чувство и только замѣтилъ парню:

— Какъ не стыдно пугать большую дѣвушку!

— Да вѣдь это такъ... шутя... Извѣстно — сумасшедшая!

— А гдѣ же она живетъ?

— У своихъ... бьютъ ее... когда покормятъ, а то и такъ... Одначе, она работаетъ иногда: воды принесетъ... только все съ узломъ... Ужъ узла и не отнимаютъ... обозлится.

— А ямщикъ этотъ гдѣ?

— Въ солдаты ушелъ! Онъ было съ ней и съ сумасшедшей-то хороводился... Дѣвка красивая... Ну, да тутъ наборъ подошелъ!

Я былъ пораженъ. Но Мишка рассказывалъ все такимъ тономъ, будто дѣло касалось самыхъ обыкновенныхъ фактовъ.

— А Татьяну ты знаешь?—спросилъ я послѣ небольшого молчанія.

— Какую Татьяну?

— На которой Карпуха хотѣлъ жениться?

— А, это воспитомку... знаю... А вы то почему ее знаете?.. Не дѣдь ли ужъ рассказывалъ?

— А тебѣ не все равно? Ты скажи мнѣ лучше, кто этотъ Карпуха?

— Карпуха-то... а тоже воспитомецъ... Сусѣди. Онъ ее точно взять за себя хотѣлъ, какъ срокъ выйдетъ... Ну, а теперь гдѣ же... коли потеряла себя...

— Ты почему знаешь это?

— На-ка! Да кто же не знаетъ, что она гуляетъ съ Митькой! Тутъ съ завода онъ... да у него что-то вышло, онъ дома живетъ теперь... Раньше-то въ Питерѣ жилъ... въ мальчикахъ... а тутъ на заводѣ...

— Не женится онъ на ней?

— О-о! нашли дурака!... Да и гдѣ: голъ, какъ соколъ!...

— А если онъ обѣщался?

— Мало-ли что... улещать онъ мастеры!... Онъ хотъ кого улестить... Вонъ и Соньку обошелъ... Да этой теперь хорошо!

— Почему?

— Въ кормилкахъ... на богатомъ мѣстѣ!... Только Танькѣ

не достигъ этого... Танька дурица... я ее знаю... Она, грѣхъ, пожалуй, и въ воду бросится...

— А, можетъ быть, Карпуха женится?

— Ни въ жисть!... Даромъ, что губанъ такой, да рожа теркой, а тоже не возьметъ... Малашка и то смѣется надъ нимъ... Встрѣтила ономясь и говоритъ: скоро ли, говорить, у твоей невѣсты крестины будутъ?... Обозлился!

— А кто это Малашка?—задалъ я вопросъ, желая все выпытать у парня, который былъ очень откровененъ, видимо, бахвалаясь такимъ знаніемъ.

— Тутъ такая есть... одна...

Онъ лукаво подмигнуть мнѣ. Я снова схитрилъ и промолвилъ, поддѣлываясь подъ его тонъ:

— Веселая, должно быть?

— Завивай-дѣвка!

— И ты, должно быть, у нея бываешь?... а?... Парень тоже не промахъ?

Онъ попался на мою уловку.

— А что же и намъ зѣвать!—съ удалствомъ воскликнулъ онъ.—Чѣмъ хуже другихъ!... Еще хоть кого поучимъ... Только бы не сдурила Танька... Я къ ней подберусь... Митька скоро на заводъ уйдетъ!

— А Малашка?

— Что мнѣ она? Она со всякимъ хороводится... не заплачетъ... Да нѣшто и двухъ нельзя?... Съ двумя еще веселѣе будетъ!

Онъ залился смѣхомъ, подражая въ этомъ Митькѣ, которому онъ, вѣроятно, завидоваль.

— А отецъ не знаетъ этого?

Я въ упоръ посмотрѣлъ на него...

— Что-жъ, сказывать я ему пойду развѣ...

— А услыхать не можетъ... Стороною...

— Ему какое дѣло?... Я свое правлю... убытку, изъяну нѣту... Это вотъ дѣдъ любить носъ сунуть... онъ ужъ закидываль... Да не на того напаль... и куда ему! Задъ отсталъ ужъ у него!—пренебрежительно закончилъ Мишка.

Онъ слегка стегнулъ лошадь. Пѣгашка прибавила ходу... Мишка помолчалъ и опять обернулся ко мнѣ.

— А никакъ вамъ это въ удивленіе?—промолвилъ онъ, пытливо смотря на меня.

И не дождавшись отвѣта съ моей стороны, продолжалъ:
— Нонѣ и всѣ такъ... Дѣвки пьютъ, такъ ужъ чего намъ...

— Ты тоже пьешь?

— Пить не пью, а мимо рта не пронесу... Да вѣдь сказано: пей, только дѣло разумѣй! А на счетъ если бабьяго сословія (онъ особенно какъ-то выговорилъ это; не было сомнѣнія, что онъ это выраженіе слышалъ отъ Митьки или другого фабричнаго, и теперь щеголялъ передо мною) такъ зачѣмъ и дѣвки, коли не для забавы!

— А ты учился?—спросилъ я.

— Учился... а что?

— Да такъ...

— Году только не дошелъ.

Я вдругъ перемѣнилъ тонъ.

— А что, если бы про все вашъ попъ узналъ? а?

— Пуцай!.. Что намъ онъ!.. Да онъ и знаетъ... Вонъ и работница его гуляетъ... не слушается... Что же онъ съ нами подѣлаетъ? Нѣшто запретъ положить кому? У всякаго своя воля!

— Но вѣдь онъ же вашъ пастырь?

— Извѣстно... Мы и ходимъ на духъ... ну, иконы, кресты, принимаемъ... Отъ насъ ему завсегда почетъ и уваженіе... Тятка ему рупь даетъ о годовые праздники... Чего же ему болѣ?

— Больше и ничего?

— А что же еще?... Онъ живетъ хорошо... Деньги есть у него... Ну, онъ и самъ выпить охочь... Кабатчикъ нашъ ему всегда изъ уваженія отпускаетъ. Отецъ Илья съ нимъ и въ пашки играетъ... любитель тоже!

Очевидно, Мишка не понималъ меня.

— Одначе, онъ лонись осерчалъ на меня... грозился даже своей тростью,—произнесъ Мишка черезъ минуту.

— За что?

— Да въ церковь рѣдко, вишь, хожу... А тогда былъ праздникъ... Они съ крестами, а мы съ Васькой изъ трактира... Вотъ онъ и грозилъ... Ну, а потомъ и ничего... Да ужъ что: знаютъ чудотворцы, что мы не богомольцы... будетъ время... намолимся...

— Когда?

— А вотъ доживу до дѣдовыхъ лѣтъ... и буду спаса-
ться... Тоже начну ворчать... Зубовъ, молю, у меня нѣтъ...
такъ и никто не смѣй орѣховъ ѣсть!... ха, ха, ха!

— Это еще вопросъ: доживешь ли ты до такихъ лѣтъ!—
сказалъ я.

— А почему?

— Рано, братъ, во всё тяжкія пустился.

— Такъ что? Савельичъ вонъ съ десяти лѣтъ, говорятъ,
пѣть, а ему теперь за семьдесятъ... А коли умру, такъ и
умру... А пока поживемъ!

Вдали мелькнули строения.

— Это Ларево?—спросилъ я.

— Какое Ларево... это Рябиновка еще... До Ларево пять
верстъ будетъ... Вѣдь какъ мы ѣдемъ-то? Нѣшто это ѣзда?
Такъ ѣздить—дѣда тѣшить... Пѣгашкѣ благодать...

— Твой дѣдъ бережетъ скотину... любитъ ее... Это хо-
рошо.

— Чего тутъ хорошаго... маета!... Ты корми, это вѣрно...
Кормить слѣдуетъ... А ѣхать, такъ ѣхать... Эхъ, кабы вы
видѣли, какъ я на той недѣлѣ Малашку прокатилъ... На
парѣ ѣхалъ... ну, и ѣзда же была!

— Досталось конямъ?

— Досталось... Въ мылѣ всё... Что же такое: отошли, ни-
чего не подѣялось... Тятка тоже любитъ скоро ѣздить... Да
ужъ дайте мнѣ и васъ хоть съ версту-то, съ двѣ, какъ слѣ-
дуетъ провезти... А то срамно къ чужимъ подѣзжать...
будто съ подводой, а не съ сѣдокомъ!

Парню, видимо, хотѣлось показать свою удасть и умѣнье
ѣздить.

— Ну, ладно, согласился я:—только передъ деревней.

— Ужъ я покажу вамъ... Пѣгашъ конь горячій... А вы
меня еще папироской угостите... Не захватилъ съ собой. Въ
Ларевѣ куплю... Не худо бы и стаканчикъ за ваше здо-
ровье!...

— Съ тебя сегодня будетъ!... Вѣдь выпилъ?

— Шкаликъ... ей Богу, только шкаликъ.

Я съ грустью посмотрѣлъ на парня, и тяжелыя думы
охватили меня. Если бы это одинъ только... но вѣдь не
одинъ... Конечно, не всё такіе. Я вспомнилъ другихъ, хоро-
шихъ, трудолюбивыхъ, симпатичныхъ... Нѣтъ сомнѣнія, та-

кихъ и больше... Но развѣ вздоръ и мелочь, если есть Мишки и ему подобныя? Деревня все больше и больше высылаетъ своихъ въ городъ, на заводы, на разныя работы. А что несутъ возвращающіеся домой? „Другой еще дурную болѣзнь принесетъ, и самъ гнѣтъ, и другихъ заражаетъ“, припомнились мнѣ слова дѣда... Дурная болѣзнь для тѣла... да и не только для тѣла, и для души! А меньше ли становится Мишекъ? а что если больше? Да, конечно, больше! Но и тѣхъ больше, на которыхъ вліяетъ школа... А кто побѣдитъ?... Кто придетъ на помощь?

— Ну вотъ и Ларево показалось!... Теперь держитесь, ужъ я и прокачу!—прерывая мои думы, обратился ко мнѣ Мишка.

Онъ свистнулъ, дернулъ вожжами, и Пѣгапъ стрѣлой понесся по дорогѣ. Телѣжка только подпрыгивала на ямахъ. Я боялся, чтобы она не опрокинулась, либо не соскочило бы заднее колесо, которое все что-то позвякивало.

V.

Это было нынѣшнимъ лѣтомъ. Я дожидался пріятеля на вокзалѣ, въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ. Поѣздъ опоздалъ на цѣлые полтора часа. Возвращаться домой было неудобно, такъ какъ вокзалъ въ четырехъ верстахъ отъ города. Я гулялъ въ станціонномъ саду, пилъ чай, поговорилъ съ продавщицей газетъ и вышелъ на крыльцо вокзала. Вблизи стояло нѣсколько извозчиковъ, также ожидавшихъ поѣзда. Нѣкоторые курили, сидя на дорожкахъ, другіе дремали. Двое или трое примостились въ тѣни, на скамейкѣ и о чемъ-то разговаривали. При моемъ появленіи одинъ изъ нихъ вскочилъ, думая, что я ѣду сейчасъ, но товарищъ его остановилъ:

— Куда ты... баринъ поѣзда дожидается... Я привезъ-то... Господинъ, вы ужъ со мной, какъ сказали...

— Хорошо,—промолвилъ я...

Вскочившій извозчикъ опять сѣлъ на скамейку. Съ минуту они молчали.

— А что это Гаврилы не видать... и не пріѣзжалъ быдто сегодня изъ слободы,—крикнулъ извозчикъ, сидѣвшій на подножкѣ пролетки и курившій цыгарку.

— И точно не видать,—отозвался кто-то въ сторонѣ.— Не боленъ ли?

— Чего боленъ! — промолвилъ тотъ, который привезъ меня:—онъ въ Синявино поѣхалъ за Петькой.

— Нѣшто нашелся?

— Нашелся... урядникъ пымалъ его.

— Ишь, сквернавецъ!... Отъ земли не видать, а на-ка что выдумалъ!

Извозчикъ, сидѣвшій на пролеткѣ, снялъ круглую шляпу, досталъ красный платокъ, лежавшій въ ней, и началъ вытирать потъ съ лица и шеи.

— Ну и мальчишка!—произнесъ онъ протяжно, кладя платокъ обратно въ шапку:—настегать бы его хорошенько!

— Всего было, да не въ прокъ!—сказалъ сосѣдъ.

Меня заинтересовалъ разговоръ.

— А что сдѣлалъ, этотъ мальчишка?—спросилъ я, обращаясь къ извознику.

— Да убѣгъ... и не знали, гдѣ искать... нѣтъ, и нѣтъ его, словно въ землю провалился!... Думали, утопъ... а онъ и объявился!

— Зачѣмъ же онъ убѣжалъ?

— А натворилъ много,—началъ рыжій извозчикъ, развалившійся небрежно въ пролеткѣ.

Но мой извозчикъ перебилъ его.

— Погоди-ка, Вавила... Коль господинъ любопытствуетъ, такъ я все ему расскажу по порядку... статья-то занятная...

Извозчикъ подошелъ ко мнѣ и присѣлъ на ступеньки крыльца.

— Вишь ты, какъ дѣло-то было... Гаврила, стало, изъ здѣшной, подгородной слободы, може запримѣтили, какъ по машинѣ ѣхали... по правую сторону она... Петька-то самый маленькій у Гаврилы. Старшой ужъ въ кузницахъ... а этому всего одиннадцать лѣтъ и теперь-то...

— И такой удалый?

— Уродился, стало, такой... забубенная головушка! Да ты вотъ слушай! Отдали его въ школу здѣшнюю... тутъ при церкви Егорія—школа-то... Хорошій домъ выстроенъ... баринъ жилъ у насъ тутъ изъ Питера... книжки писалъ, а какъ померъ—вдова-то и училище въ память о немъ построила... Вотъ въ энто-то училище и отдали Петьку... Что-жъ ты бы

думалъ: побывъ это мѣсяца два какихъ, почаль воровствомъ заниматься... ну, его и по шеямъ... Гаврила-то его пошпынялъ, трепку задалъ... да такъ онъ и остался при домѣ... Бѣгаетъ всюду и къ большимъ пристанеть, сколь разовъ въ трактирѣ видывали... сидитъ, машину слушаетъ... а то подыметъ гдѣ окурокъ, и давай дымить... Умора да и только: картузь это набекрень, ногу отставить и курить... ни дать ни взять Сенька сапожникъ, либо Пашка маркеръ изъ трактира... Смѣются... а онъ еще больше того...

— Какъ можно было допускать такія вещи,—замѣтилъ я:—Чего же Гаврила смотрѣлъ?

— Вишь, дома-то у него не ладно, такъ надо сказать...

— Пьетъ онъ?

— Какъ не пить... нонѣ кто не пьетъ? А чтобы пьющимъ назвать нельзя. Зашибаетъ, а дѣло все-таки ведетъ. Да не въ этомъ вся исторія-то... Съ хозяйкой неладно... Все ссорятся... Кому въ домѣ большимъ быть! Галдятъ, галдятъ, иногда и подерутся... Ну и порѣшили: одну недѣлю Гаврила большой, а другую недѣлю—Лукерья... А этотъ малый-то, Петька, тоже суется: я, говоритъ, тоже большимъ хочу быть, значить, третью недѣлю его слушаться...

Среди извозчиковъ послышался смѣхъ.

— Неужели это правда?—спросилъ я.

— Вѣрно, вѣрно!—подтвердило нѣсколько голосовъ.

— Какъ же не правда,—промолвилъ мой извозчикъ:—я хорошо знаю Гаврилу, бывалъ въ домѣ-то... Правда! Конечно, воли ему, Петькѣ, не давали, то-ись, значить, насчетъ правленья въ домѣ... А такъ-то ему полная свобода была... Отецъ уѣдетъ, мать немножко и сама запиваетъ... Дѣлай, что хочешь. Вотъ онъ и росъ, на лѣсъ глядя... Да и удумалъ штуку. Послала сестра Лукерьяна въ гостьбу сынишку двухъ лѣтъ... А Петька возьми да и столкни его въ колодець.

— Нарочно?

— Нарочно!... Нянчиться надоѣло, вишь... взялъ и столкнулъ!

— Ну какъ же... узнали про это?

— Конечно... становой наѣзжалъ... да что съ мальчишки возьмешь? Ему въ тѣ поры всего 9 лѣтъ было... Какой тутъ отвѣтъ. Постращали его, постегали... и все тутъ... А насчетъ того, значить, такъ: упаль-де, не доглядѣли... Аль что тамъ

другое... не могу сказать, только Петька опять остался по-прежнему у отца...

— И нисколько не измѣнился?

— А развѣ, что хуже сталъ!... Цѣлые дни гдѣ-нибудь шляется... Пришелъ какъ-то домой и пьяный!... Опять смѣшно всѣмъ!... Пузырь—и шатается, ругается, стойно большой... Да это что: вотъ вы не повѣрите, а истинно: около дѣвиць толчется...

— Что ты говоришь!—воскликнулъ я.

— Право, слово! Спросите хоть ихъ,—указывая на другихъ извозчиковъ, произнесъ разсказчикъ.

— Правду говорить онъ, баринъ, истинно: ни капли обмана!—подтвердилъ старикъ извозчикъ, подходя къ намъ:—ужъ такой сталъ пакостный!

— Не можетъ быть!

— Вѣрно... Заберутся въ солому, либо куды—пѣсни орутъ, курятъ, пьютъ... Вонъ онъ тутъ и дѣвченку одну пить научилъ...

— А кто она такая?

— Да нищенка... дѣвчонка бойкая, и такая пригожая... пожалуй, его старше... Извѣстно, дураки, на большихъ глядячи... какъ обезьяны...

— А почему онъ убѣжалъ?

— А какъ-то осерчалъ на него Гаврила-то... да и погрозись: я, говорить, съ тебя всю шкуру сдеру и, какъ собаку, на цѣпь посажу... Онъ, видать, струсилъ да и убѣгъ!... И вѣдь сколько времени не показывался!... Мать-то ревѣла, ревѣла... на мужа же накинулась: ты все, ты испужалъ... До драки доходило... Ну, а вотъ и объявился! Думали—утопъ... онъ живъ...

— И отличное бы дѣло, кабы утопъ-то,—сказалъ старикъ.—Чего—отъ него, пакостника, ждаты дальше, если теперь-то такой арестантъ, одно слово!

— Плохо смотрѣли за нимъ съ дѣтства,—замѣтилъ я.

— Эхъ, баринъ,—промолвилъ старикъ:—чего тутъ—глядѣли! За всѣми одинаковое глядѣнье, всѣ на Божьемъ изволеньи... въ деревнѣ какой присмотръ... А ужъ такіе, стало, уродятся... Ну, добро—Гаврила запиваетъ, да и Лукерья тоже... А у Мартына-то?

Старикъ обратился къ Якову, какъ бы ожидая подтвержденія своимъ словамъ... Но Яковъ только промолвилъ: „это точно“...

— Ну, вот!—удовольствовавшись отвѣтомъ, продолжалъ старикъ:—никто Мартына не похаетъ, а сынокъ-то не лучше. Чай, пятнадцать не больше ему, а и пьетъ, и лихо гуляетъ... Ужъ и пороли его, а неймется!

— Другого хотъ распори, все едино!—замѣтилъ рыжій парень, поглаживая свою лошадь.

— Все едино!—согласился старикъ.

— Шальство это все... озорники растутъ!—сказалъ Яковъ.

— Что шальство!—возразилъ старикъ...—Тутъ, братъ, не шальство!... Кто не шалить... И мы шаливали... Бывало, чего не дѣлали... и теперь есть такіе-то... а только это... одно слово пакостники!

— Нѣшто не все равно?

— Понятное дѣло, не все равно! Какъ ты этого въ толкъ не возьмешь, братецъ?... Ну, вотъ хотя бы... Левонтья взять!... Вѣдь парень добрый?

— Ничего... только тоже...

— Что тоже?—перебилъ старикъ.—Нѣтъ, ты разбери-ка... Штуку какую ни есть откинуть онъ мастакъ... И въ драку кинется, а чтобы на пакостничество,—ни, за нимъ не водится... А припомни, что Ванька съ нищенкой сдѣлалъ? Взять это, господинъ,—уже ко мнѣ обратился опять старикъ:—взять это Ванька, да и надругался надъ бабой. Она запьянѣла, да на дорогѣ упала... А онъ возьми да обвяжи ее веревками, да такъ и оставь... нѣшто это не пакостничество? Или опять же... Случись онъ промежъ дѣвокъ... такъ нарочно то-ись самое худое слово подобрать... и хохотеть!

— Въ Питерѣ балуется народъ, а, глядя на нихъ-то, и наши... имъ потрафляютъ,—сказалъ Яковъ.

— Да добро бы большіе... а то накося... подъ столъ соплиякъ ходить, а гляди—что выдумаетъ! О Господи! грѣхи, грѣхи тяжкіе!... сокрушенно вздохнувъ, промолвилъ старикъ.

— Ребята, Павелъ Самсонычъ ѣдетъ!—крикнулъ рыжій парень.

Въ одинъ мигъ всѣ извозчики были уже на своихъ мѣстахъ. Старикъ въ прискачку, прихрамывая, кинулся къ дрожкамъ. Я удивился происшедшему переполоху, но подкатившій экипажъ исправника разрѣшилъ мои недоумѣнія.

Исправникъ молодецки соскочилъ съ пролетки и, кивнувъ головой въ отвѣтъ на почтительные поклоны извозчиковъ, прошелъ въ вокзалъ.

— Бойтесь, вѣрно?—спросилъ я у Якова.

— Бѣда, коли не на козлахъ кто: сейчасъ нодъ арестъ.

Раздался свистокъ паровоза.

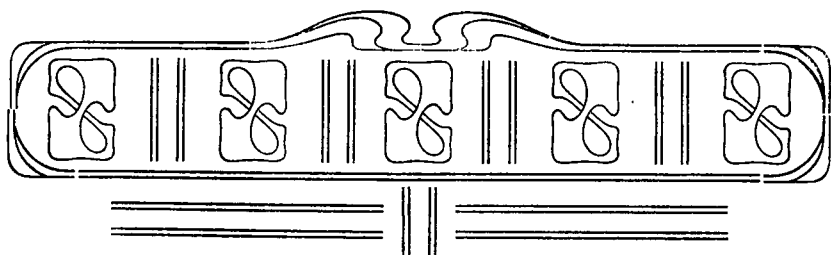
— Что это, поѣздъ?

— Дежурка-съ,—отвѣтилъ сторожъ.—А скоро и онъ, надо полагать... время!...

Я отправился на вокзалъ.

ПЕТЪКА КРОКОДИЛЪ.

I.

то было на третій или четвертый день послѣ того, какъ я поселился въ мезонинѣ, у вдовы Шабарихи, сдававшей свой домишко дачникамъ. Сама Шабариха, женщина лѣтъ пятидесяти, въ началѣ мая перебиралась въ баньку и жила тамъ до конца августа, а иногда и до половины сентября, смотря по тому, долго ли оставались на дачѣ „пожилыцы“.

Я собирался спать и уже началъ раздѣваться, когда вдругъ, среди мертвой тишины, на улицѣ раздался окрикъ:

— Эй, честна вдова, Марья, дочь Клементьева... не спишь?

Голосъ кричавшій былъ низкій и хриплый. Въ отвѣтъ на окрикъ залаяла цѣпная собака, охранявшая домъ Шабарихи.

— Не лай попусту не боюсь!—проговорилъ тотъ же хриплый голосъ, и чрезъ мгновеніе раздалось зычно:

— Уснула, што ли... аль отозваться не хочешь? Марья-я!

Я подошелъ къ открытому окну. Въ этотъ же мигъ открылось окно внизу, и густой басъ внушительно нарушилъ тишину:

— Чего орешь? Пошелъ прочь!

— Господинъ, я не вамъ... Не извольте тревожиться!

— Люди спать ложатся, а ты безчинствуешь...

— Мы, господинъ, до Марьи имѣемъ дѣломъ... Васъ это не касательно.

— Такъ иди къ ней и не безобразничай!

— А вы отоприте воротца, мы и войдемъ!

— Ахъ ты, скотина! Да ты еще смѣешься, дерзничаетъ.

Я вотъ урядника позову!

Нижній дачникъ, отставной „профессоръ семинаріи“, прибавилъ очень энергичное словечко. :

— Ругаться, господинъ, не полагается... на это тоже можно жаловаться хошь уряднику, а то и самому приставу.

— Убирайся прочь, или я тебя сейчасъ отправлю въ арестантскую!—внѣ себя отъ гнѣва закричалъ профессоръ.

— Ха, ха, ха! Руки коротки, господинъ! Выходи-ка: кто кого осилить. За себя постоимъ... сдѣлайте вашу милость!.. Не хорохорьтесь очень, ваше благородіе!..

Окно внизу захлопнулось. Увидавъ свое безсиліе, профессоръ кинулся къ хозяйкѣ. Я тоже спустился на дворъ.

— Марья-я! Слышишь, аль нѣтъ? — продолжалъ буянъ.

Въ ту минуту, какъ я вышелъ на крыльцо, профессоръ уже объяснялся съ хозяйкой.

— Скажите ему, чтобы онъ убирался... вѣдь это ни на что не похоже!.. Какое тутъ, къ чорту, дачное отдохновеніе!..

— Я-то чѣмъ виновата, Самсонъ Христофоровичъ?— жалобно возразила Шабариха;—я нѣшто могу быть въ отвѣтъ за кажиннаго пьянчужку?

— Но онъ васъ вызываетъ!

— Такъ что же, родной мой?

— Значить, имѣеть право.

Профессоръ подчеркнулъ послѣднее слово.

— Баринушка, да что вы? Ужли худое что помыслили? Въ мои ли годы такими дѣлами заниматься?.. Богъ съ вами!

Профессоръ смягчился и даже нѣсколько сконфузился.

— Я не про что такое... да зачѣмъ же онъ васъ вызываетъ?..—нерѣшительно проговорилъ дачникъ.

— А кто его знаетъ!.. Захотѣлъ выпить и ореть...

— У васъ не кабакъ.

— Я давеча поднесла ему.

— Ну, вотъ!

— Да нельзя было не поднести, Самсонъ Христофоровичъ, потому что этотъ сквернословецъ корову помогъ найти... А онъ вотъ хватилъ, и пошло: видно еще мало.

— Марья-я!

Собака опять залилась лаемъ и заметалась на цѣпи.

— Молчи, Дружокъ!—крикнула вдова и направилась къ воротамъ.

Не отворяя калитки, она крикнула буяну:

— Что орешь, оглашенный!.. Господь безпокопшь... да славу на меня наносишь, безпутный! Чего тебѣ надо?

— А! вытѣзла!.. Слышь, Марья, это ничего, что господа... И господа не святѣ насъ... такіе же, какъ мы, грѣшныи...

— Чего тебѣ надо-то? — сердито перебила его Шабариха.

— А вотъ чего... честна мать,-вдова: дай-ко мнѣ семь копеекъ!

— Еще что надумалъ!

— Да ужъ надумалъ... дай!

— Съ какой радости?.. Не допилъ, что ли?

— То-то и дѣло, что нехватка... Экая ты у меня догадливая!

— Убирайся... у меня не штейный... что ты, очумѣлъ?

— Я не водки и прошу, а денегъ.

— Не дамъ!

— А ты дай, потому корова не этого стоитъ.

— Уходи!.. Что это еще за дань выдумалъ... Получилъ, и полно съ тебя!..

— Дай, Марья, а то не отстану... до зарп буду кричать...

— И угодишь въ коптилку... Вотъ пойдетъ ночной сторожъ, такъ я скажу, чтобы уряднику дать знать.

— Урядника, Марья, нѣтути... уѣхалъ въ Смирное. А сторожа я пальцемъ сшибу... Дай лучше!

— Говорять тебѣ—уйди! А то, ей Богу, Дружка спущу,—пригрозила вдова.

— По мнѣ хоть пару спущай: у меня гирька есть, разомъ духъ вонь!

— Это совсѣмъ разбойникъ,—произнесъ профессоръ, пожимая плечами.

— Хуже всякаго разбойника,—сказала Шабариха: — того хоть въ тюрьму засадятъ, а этотъ ходитъ на волѣ и унять не могутъ.

— Онъ здѣшній?—спросилъ я.

— И не здѣшній... вблизихъ деревня тутъ.

— Зачѣмъ же онъ сюда шляется?

— Да вотъ около кабаковъ окалачивается да скандалить. Не даромъ его и зовутъ Крокодилемъ... Настоящій крокодилъ!

— Какъ крокодилъ?—удивленно выкрикнули мы съ профессоромъ въ одинъ голосъ.

— А такъ...

— Не фамилія же это?

— Просто Петька Крокодиль... такъ его всѣ зовутъ.

— Марья-я!.. Дашь, что ли? Долго ли мнѣ стоять-то? Я ворота буду на приступъ брать...

— Что же это такое? Онъ еще окна начнетъ бить... Ну деревня... а еще народолюбцы молебны поютъ этимъ мерзавцамъ!

— Да здѣсь какая же деревня... не то выселокъ, не то, кто знаетъ, что такое...

— Послушайте, — перебилъ я вдову, — дайте ему лучше денегъ, а то онъ не отвязется...

— Нѣшто у меня деньги-то на полу валяются, господинъ хороший, что я буду ихъ пьяницамъ раздавать!

— Я вамъ дамъ. Пусть только уйдетъ онъ. Завтра я скажу все уряднику, а вѣдь сегодня все равно ничего не подѣлать...

— Конечно,—поспѣшно согласился и профессоръ:—спать не дастъ и окна еще перебьетъ, напугаетъ Женичку. Я съ своей стороны тоже готовъ...

— Ну, ужъ такъ-то баловать его нѣ къ чему: просить семь копеекъ и ладно. А то эстолько съ какой благодати...

Она взяла отъ меня семь копеекъ и, пріотворивъ калитку, крикнула:

— Гдѣ ты, бестыжіе твои глаза... Возьми!

Она кинула деньги на землю, захлопнула калитку и донесла:

— Больше и дороги не знай ко мнѣ... На грѣхъ даве и попросила-то, какъ путнаго какого...

— Вотъ это, Марья, хорошо... Выпьемъ за твое здоровье!— закончилъ Крокодилъ, поднимая деньги съ земли.

— Опился бы хошь, другимъ бы далъ свободу!—сердито промолвила Марья.

— Это ты напрасно... Я по хорошему, а ты...

— Ну, будетъ,—крикнулъ профессоръ,—дали и убирайся.

— Уйду, господинъ, уйду! А вы не гнѣвайтесь, печенки заболеть.

— Ахъ, негодяй!

„Негодяй“ захохоталъ, присвистнулъ и пошелъ. Собака проводила его лаемъ. Мы отправились по своимъ комнатамъ.

— Завтра же уряднику скажу, а то становому прямо на-

пишу,—проговорилъ профессоръ, прощаясь со мною, какъ бы утѣшая себя этимъ и отчасти возстановляя поруганное достоинство „барина“.

II.

На другой день профессоръ отправился къ уряднику.

Я узналъ объ этомъ отъ Шабарихи, встрѣтившись съ нею въ огородѣ.

— Попусту только все,—замѣтила вдова увѣренно.

— Почему?

— Забубенная головушка этотъ Петька... Что ему копилка? Посидитъ, а тамъ опять за свое... нѣшто его проймешь? Да и урядникъ едва ли что подѣлаетъ... онъ уже рукой махнулъ на Петьку... Знаете, господинъ хороній, страшно начальство для того, кто себя блюдетъ и шрафу бонется, а потерянному челоуѣку никто не страшень. Миколай Андричъ — это урядникъ — и самъ говорилъ какъ-то: мы такимъ не начальство. И истинно такъ: ему все нипочемъ, и себя-то недолго изъ-за него замарать... Предъ чѣмъ такой челоуѣкъ остановится? Недалеко ходить... На дняхъ исторія была... Ѣдетъ Овсовъ, лавочникъ изъ Мартыновки, съ гостями, — Ѣдетъ, а Петька ему и кричитъ: „ваше степенство, каково ваша дочка съ актеромъ поживаетъ“! На-ка тебѣ скушай такую дулю при чужихъ-то!

— За такіе поступки можно и къ суду привлечь!

— А если правда? Дочка-то у Овсова съ актеромъ бѣжала и живетъ по сію пору неповѣнчанная... Какой судъ? Извѣстно, другой не осрамить... а Петькѣ что!.. Онъ за штофъ водки и челоуѣка порѣшитъ!

— Развѣ?

— А вы думали бы что? Вона домъ Прорѣхиной сгорѣлъ... дѣло-то евонныхъ рукъ, всѣ говорятъ.

— Поджогъ?

— Да, а только не со злобы, по уговору. Домъ-то былъ заштрафованъ, вотъ она и подговорила Петьку!.. Конечно, поймали бы—крышка Крокодилу, ну, онъ ловокъ, шельма... чисто работаетъ.

— Да вы его знаете?—спросилъ я Шабариху.

— Какъ не знать... всю семью знаю! Братъ-то хозяйственно живетъ... не бѣдные!..

— Отчего же Петька такой вышелъ?

— Нѣшто человекъ одинъ на другого схожъ? Изъ одной семьи, да разные выходятъ... Я такъ полагаю, господинъ милый, Питеръ испортилъ его. Еще по юности Петька жилъ въ портерной, потомъ-то въ трактирѣ служилъ и въ дворникахъ живаль... компанію-то подобралъ недобрую, съ шатунами связался... и на мѣстахъ-то не стали держать. Онъ сюда заявился, ну, а въ деревнѣ еще не слаще, деревенская работа не по немъ... Потомъ у брата, пошли покоры да укору, онъ опять въ Питеръ, да тамъ совсѣмъ ужъ и сбился съ пути. Этакъ съ года полтора тому назадъ его сюда по этапу пригнали, пачпорта не оказалось, и прогнали его. А здѣсь онъ уже пить началъ, компанію съ бродягами да съ пьяницами повелъ, такъ вотъ и дошелъ, до эдакого безобразія.

— Гдѣ же онъ живетъ?

— Да гдѣ: то дома, то гдѣ Богъ приведетъ. Братъ-то и радъ бы не пустить, а не смѣетъ...

— Бойтся Петьки?

— А то какъ же не бояться? Карахтеръ у Петьки рѣшительный, все тринь трава... Долго ли пустить краснаго пѣтуха—и на тебѣ!.. Тамъ суди его, а брату—раззоренье!

— Отчего общество его не выселяетъ?

— Безпремѣнно выселить, только бы подь судъ-то угодплъ... Изъ острога опороченнаго не примуть.

— И безъ суда можно, общество имѣетъ право.

— А деньги-то, баринушка? Обчество взноси... Коли отъ суда, такъ на казенный счетъ, значить, а такъ то—обчество плати. Пытали было, да вотъ и нельзя! Стало, безъ денегъ.. а денегъ нѣту...

— Изъ-за этого и терпятъ?

— Что подѣлаешь!.. И бояться негодника: потому когда тамъ пымають, да осудятъ, а тутъ бѣда какъ разъ отъ него, собаки бездомной... Его ужъ и бить-то намѣревались, да увернулся... И что еще: парня-то того, который, стало, другихъ подговаривалъ, бродяжки, товарищи Петьки, такъ вздули, что онъ чуть Богу душу не отдалъ.

— Вотъ и жаловались бы.

— На кого? Бродяжки-то били, да ихъ и слѣдъ простыль... Петька себя огородилъ... А все-таки не сносить ему башки, нарвется: либо подь судъ угодить, либо порѣшать съ нимъ...

Быль тоже вотъ, въ родѣ Петьки, Климъ рыжіі... Такъ его въ омутѣ нашли связаннымъ... И Петькѣ придетъ карачунъ...

— А жаль все-таки его, парень здоровый, должно быть!— замѣтилъ я.

— Быкъ, а не человѣкъ, вотъ онъ кто! Силица огромная... Тутъ одиново на споръ пошли... Такъ Петька-то такой куль поднять, что всѣ диву дались, какъ у него хребетъ не хрустнулъ... Здоровья хошь отбавляй... Наградилъ Богъ, а только сила-то не на Бога, а на чорта работаетъ!

— Холостой онъ?

— Ну, куда ему жениться? И кто пойдетъ? Хоша дѣвки и зря иногда въ петлю лѣзутъ, да тутъ ужъ виданное дѣло... такой дуры и не найдется...

— Могъ раньше.

— Богъ милостивъ, спасъ его отъ такой бѣды. А то быль бы еще лишній грѣхъ на Петькиной душѣ...

Профессоръ вернулся домой торжествующій и довольный

— Ну что, баринушка, видѣли урядника?—спросила Шабариха.

— Какъ же! Я ему прямо сказалъ: уберите этого негодя, а то я буду жаловаться... Сказалъ, что непременно засадить его. Только вотъ появится здѣсь, его сейчасъ и въ арестантскую. Вашъ урядникъ такой славный, вѣжливый.

— Это вѣрно,—согласилась Марья: — онъ уважительный и обхожденъе хорошее знаетъ. А только ничего ему съ Петькой не подѣлать.

— Онъ сказалъ, что непременно сдѣлаетъ все.

— Это онъ ужъ всегда такъ, баринъ, потому обходительный человѣкъ, а только...

Она не кончила фразы, махнула рукой и пошла въ баню.

— Глупая баба!—тихо произнесъ профессоръ.

Онъ пренебрежительно улынулся и добавилъ:

— Порядкомъ напугалъ ихъ этотъ негодяй! Ну, да вотъ увидить теперъ, что съ нимъ не шутятъ.

III.

Около трактира „Золотой Бережокъ“ собралась толпа: тутъ были и мужики и бабы, но преимущественно ребятишки обо-его пола.

Еще за нѣсколько шаговъ я услыхала выкрики „Петрушки“ и звуки разбитой шарманки. Толпа съ наслажденіемъ слушала эту музыку, раздражающую нервы, и „Петрушкины“, остроты, съ запахомъ рынка и площади.

— Ай да ловко, вотъ такъ,—закричалъ кто-то въ порывѣ восторга, когда Петрушка началъ бить по головѣ будочника,—валяй его, ишь, тоже начальство выискалось!

Толпа раздѣляла восторгъ одного изъ своихъ членовъ, и одобрителный хохотъ огласилъ воздухъ.

— Нравится?—спросилъ я у парня съ мѣшкомъ на плечахъ.

Парень, у котораго блестяли глаза отъ удовольствія, и удовольствіе было написано на широкомъ лоснящемся лицѣ, ослабилъ и отвѣтилъ коротко:

— Потѣха!

Онъ приподнялся на пальцы, чтобы лучше видѣть представленіе.

Вдругъ въ воздухѣ пронесся крикъ:

— Держите... э-э!..

Голосъ потерялся, заглушенный стукомъ колесъ и топотомъ лошадей.

Толпа встрепенулась. Стоявшіе позади повернули головы. Я вмѣстѣ съ парнемъ, державшимъ на плечахъ мѣшокъ выбѣжалъ на середину дороги. Прямо на насъ неслась пара взбѣсившихся лошадей. Бѣлыя гривы развивались по воздуху, коляска прыгала, какъ маленькая игрушечная телѣжка, вожжи волочились по землѣ, вмѣстѣ съ полуоборванными постромками.

— Никоновскія лошади сбѣснлись!— крикнулъ парень и кинулся черезъ дорогу къ забору огорода.

Слова парня имѣли дѣйствіе электрической искры на толпу. Она рассыпалась въ разныя стороны. Послышался крикъ, плачь, шарманку опрокинули, и жидокъ, изображавшій „Петрушку“ упалъ, придавленный ширмами. Одна женщина присѣла на землю у края дороги.

— Прочь, прочь!

Но съ испугу ноги „подкосились“, и она не могла встать. Я подбѣжалъ къ ней и едва успѣлъ оттащить ее въ сторону.

Въ эту минуту бѣшенныя лошади пронеслись мимо насъ.

Подушка съ кучерского сидѣнья слетѣла на землю. Въ коляскѣ безъ чувствъ лежала дама въ соломенной шляпѣ, и громко плакала дѣвочка, уцѣпившись рученками за ободокъ сидѣнья.

— Батюшки мои, Господи! Онѣ разобьются! — крикнулъ кто-то позади меня.

— Держите лошадей!

— Онѣ сейчасъ свалятся въ прудъ!

— Гдѣ же кучеръ?

Поднялась невообразимая суматоха. Пришедшая въ себя толпа бросилась вслѣдъ за мчавшимися лошадьми.

— Эхъ, никто не удержалъ... сколько народу, и никто! — сказала баба, обращаясь къ человѣку въ „спинжакѣ“, повидимому, мужу или родственнику.

— Больно смѣла!.. Ишь, какъ несутся!

— Все же бы... какъ же такъ-то?

— Чего жъ не держала?

— Я что же, я баба, гдѣ же видано это?

— А мужику нѣшто жизнь опостылѣла?

— Остановили, остановили! — крикнула дѣвушка, бывшая впереди насъ.

— Кто? кто?

Отвѣта не послѣдовало. Толпа росла. Гулъ голосовъ стоялъ въ воздухѣ.

Я подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ задержали лошадей.

Онѣ поднялись было на дыбы; толпа въ испугѣ шаракнулась, и коляска чуть не опрокинулась. Чьи-то сильныя руки осадили лошадей.

— Дѣвочку-то возьмите!

— Барыня... ишь, она... словно мертвая!..

— Чего рта разинули... берите! — крикнулъ чей-то повелительный голосъ.

Я ускорилъ шаги. Позади меня слышался тонотъ бѣгущаго человѣка. Я оглянулся. Бѣжалъ урядникъ.

— Лошади взбѣсались! — сказалъ я.

— Никоновскіе... звѣри, а не кони!.. отвѣтилъ онъ на бѣгу.

— А гдѣ кучеръ?

Урядникъ только махнулъ рукою по направленію перелука, потомъ, какъ бы догадавшись, что его жестъ ничего не объясняетъ, прибавилъ отрывисто, обернувшись назадъ:

— Разбился... въ больницу понесли!

Урядникъ растолкалъ толпу и вскочилъ на подножку коляски.

Когда я подошелъ, дѣвочку уже держали на рукахъ, а даму бережно вынимали изъ коляски.

— Мамочка!—закричала дѣвочка.

Дама пріоткрыла глаза и едва промолвила:

— Катя... жива?

— Не безпокойтесь, сударыня! Барышня въ полномъ здоровьи,—отозвался урядникъ, поддерживая голову дамы.

— Куды ее, Миколай Дреичъ?—спросили мужики.

— Несите въ аптеку... прямо въ садъ, въ бесѣдку!

Я едва протискался сквозь толпу, къ лошадямъ. Мнѣ хотѣлось узнать, кто остановилъ ихъ.

Лошади дрожали, били копытами и нугливо озирались кругомъ. Ихъ гладили, стараясь успокоить.

— Молодчина, Петька!

— Ай да Петруха! Вотъ тебѣ и Крокодилъ!—воскликнулъ мужикъ въ посконной рубахѣ.

— Какъ Петька? Развѣ онъ остановилъ?—спросилъ я.

— А то кто же? Теперь-то вишь сколько помощниковъ явилось, а остановить, небось, никто не посмѣлъ!

Держали лошадей нѣсколько мужиковъ, но посреди нихъ выдѣлялся плотный, высокій блондинъ, лѣтъ тридцати трехъ, съ отдуловатымъ, краснымъ лицомъ, по которому потъ катился градомъ.

— Это онъ въ красной рубахѣ?—спросилъ я мужика.

— Онъ самый... Гляди, какой Аника-воинъ... Шея то что у быка!

Толстая, съ напряженными жилами, она дѣйствительно говорила о силѣ, и вмѣстѣ со лбомъ, выдававшимся впередъ, сообщала что-то упорное, именно бычачье всей фигурѣ Петьки.

Онъ держалъ лошадей подъ уздцы обѣими руками—большими, толстыми съ мускулами, вылитыми словно изъ стали. Онъ былъ возбужденъ и глядѣлъ на лошадей съ какимъ-то побѣднымъ торжествомъ. Въ глазахъ читалось сознание своей силы. Но бахвальства не было замѣтно въ Крокодилѣ. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ, и только смотрѣлъ въ упоръ на лошадей, которыя все порывались подняться на дыбы.

— Ишь, неуспокоенная!—произнесъ одинъ изъ „помощни-

ковъ“ Петьки, не безъ страха взглядывая на сытыхъ и красивыхъ животныхъ.

При каждомъ движеніи ихъ, державшіе мужики нѣсколько отстранялись. Такъ и чувствовалось, что только отпусти Петька—и всё они бросились бы бѣжать въ испугѣ, сознавая свое безсиліе.

— Ну и силища же,—сказаль опять мужикъ въ посконной рубахѣ.

— Да какъ онъ ихъ остановилъ?

— Какъ!.. схватилъ подъ уздцы и остановилъ. Повисъ это сперва на оглобли-то, а тутъ и остановилъ... отчаянная башка...

— Гдѣ же онъ былъ?

— Въ кабакѣ у Егоркина... Вышелъ это, увидалъ и кинулся... Безстрашный!

Петька ухмыльнулся, услыхавъ послѣднюю фразу.

Мало-по-малу лошади начали успокаиваться:

— Пусти-ка! — промолвилъ Петька, и я узналъ его низкій, хриплый голосъ.

Стоявшіе близко мигомъ отскочили въ сторону. Лошади нервно вздрогнули, но Крокодилъ новель ихъ увѣренно, и онѣ, прядя ушами, уже не порывались подняться на дыбы,—пошли покорно.

— Утихомирилъ таки!—сказаль царень, все время гладившій лошадей.

— Да-а... Смирились!

Крокодилъ заворотилъ лошадей и велъ ихъ обратно, когда опять появился урядникъ.

— Гдѣ онъ, герой-то нашъ?—крикнулъ онъ, улыбаясь.— Ишь, богатырь! Иди, Самсонъ, къ барынѣ... тебя хочеть видѣть!.. Возьмите у него лошадей.

Но никто не рѣшался взять ихъ у Петьки.

— Я самъ доведу ихъ,—сказаль Крокодилъ, прозванный Самсономъ, начитаннымъ урядникомъ.

Въ словахъ Петьки слышалось презрѣніе къ трусливымъ мужикамъ.

— Ну веди,—согласился урядникъ, пропуская Крокодила.

Замѣтивъ меня, урядникъ промолвилъ, кинувъ головой вслѣдъ Петькѣ:

— И его сила пригодилась.

— Да, хорошее дѣло сдѣлать. Наградить барыня.

— Всеконечно. Какъ только пришла въ себя, да узнала, кто ее съ дочерью снасъ, сейчасъ же велѣла позвать его. Конечно, наградить... И закутить же онъ теперь.

— Вы объяснили бы ей все.

— И слышать не хочетъ. „Нашъ спаситель“, говоритъ... Да и точно, если бы не онъ, Богъ знаетъ, что бы вышло... Она за дочку больше всего рада... Одна дочка, не надышатся...

— Какъ можно ѣздить на такихъ бѣшеныхъ лошадяхъ...

— Это бы ничего... Испугались чего-то, а кучеръ навеселѣ... и не сдержалъ... Народъ тоже нынѣ... эхъ! А вы кажется, у Шабарихи изволите жить?—вдругъ закончилъ урядникъ.

— Да, а что?

— Внизу учитель живетъ...

— Отставной профессоръ... Онъ былъ у васъ?

— Былъ-съ. Насчетъ Петьки все... Я имъ общалъ... Да теперь его какимъ манеромъ засадить? за что? За такія дѣла медали даютъ, а я его вдругъ бы въ кутузку!

Урядникъ засмѣлся.

— Вотъ опять закутить!

— Тогда другое дѣло.

Никонова дала Крокодилу десять рублей.

Въ этотъ же день, около восьми часовъ вечера, я снова встрѣтилъ Петьку. Совсѣмъ пьяный, съ мутными глазами, съ включенными волосами и въ изорванной рубахѣ, онъ стоялъ у кабака и ругалъ кабатчика.

— Я тебѣ задамъ!.. Я тебя разнесу?..

— Полно, Петька, иди!—попробовать его остановить какой-то мужикъ.

— А ты кто? что тебѣ требуется?—крикнулъ Крокодилъ:—подходи-ка, я тебя распишу!.. Прочь, трусъ!.. Всѣхъ расшибу!

Онъ сжалъ кулаки и погрозилъ ими въ пространство.

Я былъ увѣренъ, что Петьку заберутъ, но его не тронули, и онъ долго еще бушевалъ на улицѣ.

Увидѣвъ на другой день урядника, я сказалъ ему:

— А вѣдь Петька дѣйствительно загулялъ.

— Да-а... долго вчера бушевалъ.

— Что же вы его не забрали?

— Страшно было и подступиться... Да вѣдь и то сказать: героемъ выказаль себя... Что ужъ тутъ! Вчерась надо было простить!

Въ самомъ дѣлѣ, — подумаль я: — „побѣдителей не судятъ“.

IV.

Профессоръ, похвалившій урядника послѣ первой бесѣды съ нимъ, скоро перемѣнилъ о немъ свое мнѣніе.

— Нѣтъ, онъ никуда не годится... Развѣ такой нуженъ для разнузданной деревни? Что это за полиція! Это не урядникъ, а баба, слюняй! Надо будетъ написать становому, а то прямо губернатору.

Онъ брюзжалъ, но никуда не писалъ.

Шабариха, выслушавъ его нападки на урядника, замѣчала.

— Я жъ говорила, баринушка... Ну, гдѣ Петьку урезонить! Тоже себя человѣкъ охраняетъ.

Петька просто на просто не казался такимъ исключеніемъ, какимъ его находилъ профессоръ, привыкшій въ столицѣ къ инымъ порядкамъ.

Крокодилъ инянствовалъ, — это вѣрно. Пьяный онъ буянилъ, ругался, но все это не выходило изъ ряда обычнаго безобразія, столь нерѣдкаго теперь въ деревняхъ, тѣмъ болѣе въ селеніяхъ пристанціонныхъ (около станціи желѣзныхъ дорогъ), особенно въ праздники. Ругаются, буянятъ многіе. Петька только пилъ и буянилъ больше другихъ. Онъ пилъ ежедневно; трезвымъ совсѣмъ его никто не видалъ. Но когда онъ былъ, по выраженію Шабарихи, „такъ себѣ“, — онъ не подлежалъ „заключенію“. Вѣдь и въ городѣ у насъ на пьяныя безобразія смотрять не очень строго. Я помню такой случай въ Москвѣ. Пьяный рабочій, одѣтый въ пиджакъ, сидѣлъ на Кокоревскомъ бульварѣ и ругался коснѣющимъ языкомъ, причемъ въ бранныхъ словахъ превзошелъ даже Крокодила. Когда заявили городовому о поведеніи пьянаго, блюститель порядка промолвилъ:

— Вѣдь онъ не васъ собственно ругаль?

— Нѣтъ, но тутъ публика, дѣти...

— Такъ и проходите, не ваше дѣло... Нечего заводить скандалъ.

Можно ли отъ села требовать болѣе строгаго отношенія къ пьянству? Если въ Москвѣ можно скверными словами ругаться вслухъ на бульварѣ, гдѣ гуляютъ дамы и дѣти, то въ деревнѣ простительно и большее безобразіе. Урядникъ обѣщаль профессору „засадить“ Петьку, и это уже много, когда городской такому же профессору сказалъ бы: „не заводите скандала“. Урядникъ не засадилъ, но онъ все-таки нашель въ отвѣтъ „обходительныя слова“, какъ выражалась Шабариха: онъ желалъ хотя на словахъ угодить барину... Что немногимъ кажется преступленіемъ и безобразіемъ, для большинства, для толпы—заурядное явленіе, мелочь, на которую не стоить обращать вниманія. Полиція вѣдь выходитъ изъ толпы, и городовые, урядники не могутъ смотрѣть на явленія жизни глазами меньшинства. Обычай сильнѣе приказа.

Я видѣлъ нѣсколько разъ, какъ пьяные, здороваясь съ урядникомъ, сейчасъ же ругались громко, и урядникъ шель дальше, не возмущаясь бранью. Иногда уряднику просто не хочется связываться и заводить „исторію“. Разъ одинъ пьяный началъ приставать къ уряднику, и этотъ долгое время отдѣлывался миролюбивыми фразами, въ родѣ слѣдующихъ: „проходи, чего пристаешь! Слышишь, Савелій, проходи!“

Савелій не отставалъ.

— Право слово, заберу!—пригрозилъ урядникъ.

— И забирай!.. Экое кушанье! А по какому праву? Ты мнѣ отвѣть: по какому праву? Гдѣ такой законъ, чтобы въ праздникъ и значить въ кутузку?

— Говори съ нимъ!

Урядникъ спѣшилъ уйти отъ пьянаго.

— Каждаго такого забирать, такъ и дѣла другого не будетъ,—говорилъ урядникъ.

Когда буяны переходили „границы“,—„власть“ принималась дѣйствовать. Но это случалось рѣдко. Бывали зато и такіе случаи, когда урядникъ или сотскій скрывался отъ толпы пьяницъ.

— Помилуйте, — признавался мнѣ блюститель: — что я одинъ подѣлаю? Намнутъ шею, вѣкъ помнить станешь. Тамъ

судись потомъ... кто докажетъ? Я одинъ, а ихъ орава... осиль ихъ, попробуй!

Пьянство и не ставилось въ вину Петькѣ. Не за пьянство Крокодилломъ его прозвали.

— Пьянство что... кто не пьетъ нонѣ!—промолвилъ односельчанинъ Петьки, привезшій на базаръ дрова:—пусть пьетъ, не наши деньги...

— Такъ пить и умереть недолго, — сказалъ я.

— А поколѣеть и плакать некому,—хладнокровно возразилъ мужикъ:—Нѣтъ, это баринъ что... водка ничего... Другое неладно...

— Что же?

— Художества за нимъ водятся.

— Какія художества?

— Совѣсть пропиль... Ему рази что срамно, аль онъ чего бонсея? Онъ за шкаликъ отца рѣднаго продасть, либо подь присягу ложную поидеть... Скажи ему, что человекъ отъ этого самого въ Сибирь угодить,—ему ни почемъ... Одно слово—крокодилъ, такъ крокодилъ и есть.

— А ты знаешь, что это значить?

— Гдѣ намъ знать, мы люди темные... а коли крокодилъ такъ стало человекъ пронащій, крестьянну пусто не дадутъ такого собачьяго имени.

V.

Петька не только пьянствовалъ и безобразничалъ. Онъ и работалъ, хотя ради той же водки. Онъ таскалъ бочки со станціи, грузилъ дрова, исполнялъ нѣкоторыя порученія. Разъ мнѣ пришлось самому обратиться къ его услугамъ. Мнѣ нужно было послать кого нибудь за газетами къ знакомому помѣщику за 16 верстъ. Время стояло рабочее, и никто не брался.

— Пошлите, баринъ, Крокодила... Онъ тамъ дрыхнетъ за тыномъ въ огородѣ,—сказалъ лавочникъ, у котораго я забиралъ кое-что.

— Онъ добѣжитъ: что другое... а онъ ходокъ,—замѣтилъ мужикъ, покупавшій въ лавкѣ.

— Можно ли ему довѣрить?—спросилъ я.

— Отчего же? Если что такое иное... а газеты ему на что? Это ничего-съ...

„Въ самомъ дѣлѣ, отчего не попытаться?—подумалъ я.— Куда ему газеты? А рубль — деньги“.

Я согласился. Петьку разбудили и привели.

Онъ былъ теперь одѣтъ въ бѣлую ситцевую, затасканную рубаху и въ нанковые широкіе штаны. На босыхъ ногахъ опорки. Шапки не было. Онъ глядѣлъ сонливо.

— Можешь сходить въ Залѣское?—спросилъ я у него.

— Отчего не сходить, могу. Вамъ къ Алексѣю Дмитричу?

— Ты его знаешь?

— Слава Богу! Сколько разъ меня угощаль!

— За что?

— Баринъ добрый, потому... Что ему чарка? Ребятью онъ леденцы, а нашему брату по чаркѣ... Настоящій баринъ!

— Стало быть, ты сходишь? Отлично... И принесешь аккуратно, что тебѣ онъ дастъ?

— А куда же я подѣваюсь!.. Принесу, конечно.

— Если только не водка—принесеть?—сострилъ мужикъ.

Крокодилъ посмотрѣлъ на него искоса и буркнулъ:

— Молчи, шаршавый!.. Самъ не пронеси мимо, а туда же...

Лавочникъ засмѣялся.

— Ладно,—сказалъ я,—Такъ вотъ я напишу письмо, отдай его Алексѣю Дмитриевичу и принеси отъ него газеты. Понялъ?

— Экая мудрость какая!.. Дуракъ, и то пойметъ... А на дорожку будетъ?

— Тебѣ что?

— Извѣстно что: водчонки!

— Зачѣмъ же?

— Какъ же... для маху! Ногамъ слободы больше!

— Когда вернешься—получишь цѣлковый.

— Это само собой... Вы не бойтесь. Неужто полагаете, я отъ чарки охмѣлѣю?—произнесъ Петька съ гордостью пьяницы.

—Я написалъ записку, далъ ему на шкаликъ, и онъ отправился.

— Къ вечеру вернешься?

— До заката вернусь!

Но онъ вернулся только на другой день къ вечеру. Мой

пріятель его угостилъ, а затѣмъ онъ пошелъ на крестный ходъ, и его пригласили нести тяжелую хоругвь. вмѣсто четырехъ человѣкъ Петька несъ ее одинъ. Его за это напоили и онъ прогулялъ весь день. Газеты онъ доставилъ мнѣ всѣ, только позапачкалъ ихъ въ грязи, да отъ одной оторвалъ клинъ на „цыгарку“...

По этому поводу онъ высказалъ очень своеобразный взглядъ.

— Я, господинъ, тутъ оторвалъ, стало, отъ листка (всѣ газеты онъ называлъ „листками“), да это ничего, я отъ чистаго края, безъ пропечатки.

Послѣ этого я нѣсколько дней не встрѣчалъ Петьки и думалъ, что онъ или ушелъ куда, или захворалъ.

Но вотъ однажды вечеромъ сидимъ мы съ профессоромъ въ саду и пьемъ чай. Вдругъ передъ нами появляется Петька съ корзиной въ рукахъ.

— Ты затѣмъ? Какъ ты смѣлъ прійти сюда?—закричалъ гнѣвно профессоръ.—Убирайся вонъ сейчасъ!

— Баринъ, да вы не кричите... Я вамъ щенковъ хорошихъ принесъ... чудесные... наилучшей породы...

— Не надо мнѣ никакихъ щенковъ... убирайся!

— Графа Моренскаго баринъ...

— Вонъ, вонъ!

— А вамъ, господинъ, не требуется шеночковъ?—обратился ко мнѣ съ предложеніемъ Петька, какъ бы игнорируя гнѣвъ профессора.

— И мнѣ не надо,—отвѣтилъ я съ улыбкой.—А покажи-ка, что за щенки?

Петька вообразилъ, что я соблазняюсь, быстро снялъ тряпку съ корзины и показалъ щенковъ.

— Самые лучшіе-съ... мать ейная сто рублейъ стоитъ...

— Что ты врешь,—перебилъ я его:—это простыя дворняги.

— Никакъ не можетъ быть, господинъ!.. Графа Моренскаго... За мать сто рублейъ дадено.

— Врешь все!

— Побожиться готовъ....

!

— Ну вотъ!

и вышелъ изъ сада.

— Напрасно не изволили взять... самой лучшей породы,— промолвилъ Петька, уже выйдя.

— Зная хорошо, какой породы щенки, онъ нахально продолжалъ утверждать, что они отъ дорогой графской собаки.

— Каковъ мошенникъ! И какой дерзкій!—сказалъ профессоръ...—Гонишь каналью, а онъ и не уходитъ... твердить свое... Сталь бы графъ черезъ него продавать щенковъ.

— Конечно, нѣтъ.

Петька, какъ оказалось потомъ, взялся у кабатчика потопить щенковъ, но его вдругъ осѣнила мысль: а нельзя ли хоть парочку продать господамъ?... Навратъ и нажить денегъ...

— Не выгорѣло! Не довелось объегорить барина,—откровенно признался Петька въ кабацѣ.

VI.

Я ходилъ купаться на рѣчку, хотя было неудобно раздѣваться на сырой землѣ, да и берегъ, низкій: пока доберешься до одежды—ноги перепачкаешь въ глину. Разговорился я какъ-то по этому поводу съ лавочникомъ.

— Да ходите въ мою купальню, сказалъ онъ.

— Очень благодаренъ. Я не зналъ, что у васъ есть купальня.

— Какже-съ! Нельзя безъ этого: супружница и дочь невѣста, на виду-то у всѣхъ стѣснительно.

Я сталъ ходить въ купальню лавочника. Вблизи нея рабочіе, выгружавшіе дрова, купались на открытомъ воздухѣ, не стѣсняясь проходившей мимо публики.

Разъ я купался одинъ (чаще же всего мы ходили вмѣстѣ съ профессоромъ). На противоположномъ берегу узкой рѣчки слышались мужскіе голоса.

— А что, Петька, давай, побулькаемся! — промолвилъ кто-то.

— Можно! Я и то взопрѣлъ весь!

Я узналъ по голосу Крокодила.

Черезъ минуту оба дружно кинулись въ воду.

— Давай на перегонки!

— На что держишь?

— Эво!

— А ты какъ?

— На „токлю“!

— Жила!

Слышалось фырканье и раздавался плескъ воды, точно отъ удара весель.

— Ну, ты къ дьяволу... буде! усталъ!—сказалъ Петька.

Онъ схватился рукой за купальню и шумно опустил на ея выступъ.

— Ишь, усѣлся, что твой баринъ!

Говорившій! подплылъ къ купальнѣ сѣлъ также на ея выступъ.

— И вода же... теплынь...

— Доколѣ въ ней—хорошо, а вышель—опять полѣзай!

Я уже одѣвался и дѣлалъ все чрезвычайно осторожно, чтобы не узнали о моемъ присутствіи.

— А славно Петька, такъ-то,—заговорилъ опять товарищъ Крокодила:—пригрѣваетъ... любо!... Вотъ бы только цыгарку—и на что тебѣ лучше!

— Такъ достань изъ кармана,—отвѣтилъ Петька.

Онъ захохоталъ и забулькалъ ногами.

— Ишь, удумать, что, идолъ!

Другой пловецъ тоже засмѣялся и ударилъ Петьку ладонью по спинѣ.

— Ты чего, слюняй!

— А что? Ужли хребетину попортилъ?

— Я тебѣ дамъ хребетину!

— Я же играючи, Петька... шуткой, стало!

— Смотри у меня: приложу печать, только тебя и было...

— У, чортъ! И откуда у тебя такая силища?

— Оттуда, откуда и у всѣхъ.

— Ужли отъ Бога?

— Отъ дьявола, что ли?

— Вѣстимо.

— Ахъ ты, обезьяна!

— Чего ругаешься!... Слухай, Петька,—какъ никакъ, а ты взялъ на душу грѣхъ... ей Богу, взялъ!

Я пересталъ одѣваться и весь превратился въ слухъ.

— Чего это?—освѣдомился Петька.

— На судѣ-то... Вѣдь ты же не видалъ, какъ Павлуха въ амбаръ лазилъ? А присягу принялъ...

— Ты почему знаешь, что не видалъ?

— Ужъ знаю.

— А коли знаешь, такъ молчи. Въ дележку что-ли ладишься?

— Зачѣмъ въ дележку... Жаль Павлухи.

— Больно жалостливъ... А что онъ тебѣ: свать, аль братъ? Или по гулянкѣ какой свойственникъ?

— Жаль Павлуху... гляди, въ острогъ угодить...

— Развѣ тамъ холодно?

— Садись-ка самъ!

— Придется, и сяду.

— Жизнь-то, знаешь, Петька...

— Чтѣ жизнь?

— Жизнь, братъ, одна... вотъ что!

— Извѣстно, одна... Дуракъ ты, я вижу!

— Не дуракъ, а только ты...

— Ну, ну... Что я? говори!

— Ужъ такой... никого тебѣ не жалко...

— Я и себя не жалю... а что мнѣ другіе—прочіе.

— Это вѣрно: себя ты не жалѣешь... Э-эхъ Петька!

— Чего еще? Расхныкался, словно баба!

— Дивлюсь я все... братъ у тебя не бѣдный... чего бы тебѣ, право, не жить, да не заниматься...

— Чѣмъ?

— По крестьянству, стало.

— Это не твоего ума дѣло.

— Ужли такъ-то лучше?

— Мнѣ хорошо... А ты чего не въ свое дѣло носъ суешь? Добро бы кто... а то самъ безъ штановъ ходить, да супъ изъ рѣчки хлебаешь... а туда же... голова съ мозгами!...

— Я что... я...

— Я да я, и вышла свинья! Засохни!... Плыдемъ назадъ... ну!...

Петька бросился въ воду, за нимъ послѣдовалъ и товарищъ.

VII.

Прошло нѣсколько дней.

Подъ вечеръ, такъ около часовъ шести, мы возвращались съ профессоромъ изъ Ивановскаго погоста.

Намъ нужно было переходить полотно желѣзной дороги.

— А вѣдь придется ждать,—сказаль профессоръ:—смотрите: путь занятъ.

На станціи стояль поѣздъ.

— Можно обойти... Зайдемъ впередъ—и мы успѣемъ,—предложилъ я.

— Да отчего не подождать? А, впрочемъ, пожалуй!

Мы пошли въ обходъ, параллельно полотну.

— Что это тамъ за толпа собралась?—произнесъ профессоръ, указывая на кучку народа впереди насъ, но по другую сторону полотна.

— Должно быть рабочіе... Видите, одинъ въ рубахѣ...

— Но за то и въ цилиндрѣ кто-то... и кричать...

Мы уже приближались къ группѣ, какъ поѣздъ вдругъ тронулся.

Профессоръ побоялся переходить.

— Подождемъ лучше... еще запнешься... полетишь... Знаете, кто-то каблукомъ между рельсами попалъ, да и застрялъ... Да что же это!—вдругъ вскрикнулъ профессоръ, прерывая рассказъ и хватая меня за руку,—вѣдь это подъ поѣздъ кинулся!

Онъ выпустилъ мою руку и бросился впередъ.

Я за нимъ. Человѣкъ въ рубахѣ уже лежалъ на шпалахъ. Онъ лежалъ вдоль, на груди, вытянувшись и припавъ лицомъ къ землѣ. На другой сторонѣ полотна слышались голоса, кто-то кого-то ругаль крича:

— А какъ задавить?

— Не задавить... Онъ знаетъ ужъ...

Мы съ профессоромъ въ недоумѣніи смотрѣли другъ на друга. Не знаю, что чувствовалъ профессоръ, но меня била лихорадка. Кинуться и стащить человѣка съ полотна не было возможности. Это значило самому попастьъ подъ колеса. Я закричалъ машинисту, указывая на шпалы... Машинистъ замѣтилъ самъ и далъ свистокъ. Человѣкъ продолжалъ лежать.

Еще немного и паровозъ прошелъ бы надъ лежавшимъ на шпалахъ, но машинисту удалось остановить поѣздъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

Мы кинулись къ лежавшему; соскочили съ паровоза кочегаръ; отъ будки бѣжалъ сторожъ. Стоявшіе на пригоркѣ также начали спускаться на полотно дороги.

Человѣкъ въ рубахѣ продолжалъ лежать безъ движенія, словно онъ умеръ.

— Эй, вставай!... Что ты это выдумалъ?—крикнулъ кочегаръ, дергая лежавшаго за плечо.

— Ну, ну... не трогать...

— Да ты очумѣлъ что ли? Эй!

Кочегаръ вмѣстѣ со сторожемъ приподняли лежавшаго и повернули его лицомъ.

— Да вѣдь это Крокодилъ!—воскликнулъ профессоръ.

— И пьянъ, какъ стелька!...

— Съ чего это онъ задумалъ порѣшить-то себя?...

Я обратился къ одному изъ тѣхъ, которые стояли на пригоркѣ.

— Какъ же вы могли допустить?

— Да онъ самъ вызвался, помилуйте!

— Вызвался?

— Конечно.

— На что? Я не понимаю васъ.

— Да онъ нарочно... пари... Прележу, говорить, все время, пока пройдетъ поѣздъ.

— Шабашъ, Петька,—произнесъ другой изъ той же кучки, самъ едва державшійся на ногахъ:—пропалъ твой штофъ!

Это было уже возмутительно. Профессоръ вышелъ изъ себя и требовалъ протокола.

— Онъ самъ-съ... мы не толкали!...—оправдывались безобразники.

— Кто это?—спросилъ я у сторожа.

— Заводскіе... изъ конторы заводской... Знаете тутъ фарфоровый заводъ...

— Кто же въ цилиндрѣ?

— Старшій конторщикъ... Максимъ Ивановичъ... Они весь день въ буфетѣ хороводились, я какъ былъ на станціи, до смѣны, такъ видалъ... сколько водки выпито... страсть!... Ну, и допились... до чертиковъ... Ишь какую игру устроили!

Петька былъ пьянъ и едва стоялъ на ногахъ... Надо было только удивляться, какъ онъ могъ добраться до шпаль и лечь такимъ манеромъ, что пожалуй, поѣздъ дѣйствительно могъ пройти надъ нимъ, не задѣвъ его.

— Давай штофъ!—пролепеталъ Петька, тараща глаза.

— Ей Богу онъ не былъ такъ пьянъ сейчасъ... Это его отъ страха, отъ волненія, такъ...—промолвилъ конторщикъ въ свое оправданіе.

— Полно вамъ, стыдно!... — оборвалъ его машинистъ,—вѣдь какую кашу заварили бы. Человѣка изуродовали бы, да и меня подъ отвѣтъ подвели бы... Это чистое безобразіе.

— Какое безобразіе... Прямая подлость!—воскликнулъ профессоръ.

Онъ снова заговорилъ о протоколѣ.

— Эхъ, господинъ, что поднимать булгу,—промолвилъ сторожъ, — слава тебѣ, Господи, все благополучно... невредимо... а тутъ канитель... и люди молодые... что же грѣхъ... выпимши...

— Водки!—заоралъ Крокодилъ.—Надутъ хочешь! Шалишь!

— Ведите его въ кутузку!—сказалъ машинистъ.—Чего валандаться... Ну, отходите...

Онъ вскочилъ на паровозъ..

Петьку повели. Онъ разсвирѣпѣлъ и началъ вырываться.

— Убью!... Искрошу!...—грозился онъ коснѣющимъ языкомъ.

Подбѣжали еще два служащихъ, связали Петькѣ руки и повели. Онъ оралъ благимъ матомъ, обѣщалъ всѣхъ убить, спалить...

— Однако же, не дорожить своей жизнью этотъ негодяй!—сказалъ профессоръ.

Онъ пересталъ настаивать на протоколѣ.

Мнѣ припомнилось признанье Петьки во время купанья.

Да, онъ не лгалъ, не рисовался тогда: онъ въ самомъ дѣлѣ не дорожилъ не только чужой, но и своей жизнью.

— Не сносить ему башки на плечахъ!—порѣшила Шабариха, когда узнала о случившемся.—Либо убьютъ его, либо самъ убьется.... нарвется!

Шабариха не угадала.

Петька „нарвался“, но иначе.

Это случилось уже послѣ нашего отъѣзда, поздней осенью.

Онъ „гулялъ“ въ трактирѣ Семенова. Тамъ же пьянствовалъ и мѣстный сапожникъ Евлампій. Евлампій началъ ссориться съ Семеновымъ и назвалъ его „поджигателемъ“. Семеновъ разозлился, но, безсильный и хромой, онъ не могъ справиться съ сапожникомъ и натравилъ Крокодила. Этотъ за водку былъ готовъ на все. Онъ взялъ за шиворотъ Евлампія и вышвырнулъ его за двери. На утро сапожника нашли мертвымъ на улицѣ, съ прошибленной головою. Началось слѣдствіе, и Крокодилъ попалъ въ острогъ. Семеновъ увернулся.

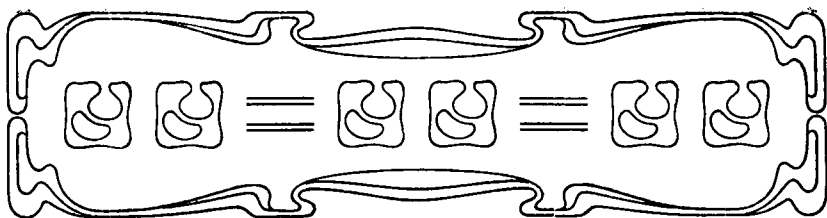
— Этотъ жохъ,—говорили про него въ селеніи,—два раза трактиръ палилъ, и то ничего...

Петьку еще не судили... Но уйдетъ онъ въ Сибирь или оправдается—это все равно. Онъ могъ и не попасть въ острогъ, а кончить жизнь подъ заборомъ или въ дракѣ... Онъ попалъ случайно въ тюрьму. Но вѣдь такъ или иначе, а всякая развязка была бы случайной, и не въ развязкѣ этой погубленной жизни весь вопросъ.

Крокодилъ своимъ существованіемъ задаетъ намъ вопросъ совѣмъ иного рода.

ВОЛЬНОДУМЕЦЪ.

I.

ь комнатъ было душно и мы обѣдали въ огородѣ, въ „липовомъ уголкѣ“, какъ называлъ земскій фельдшеръ, Николай Андреевичъ Алексѣевъ, мѣсто около бани, обсаженное липами.

Алексѣевъ не походилъ на зауряднаго фельдшера. Онъ учился въ гимназiи, хотя и не кончилъ, любилъ книги, споры, и велъ „войну“ съ управцами, которыхъ звалъ „самоуправцами“. За это ему доставалось, грозили увольненiемъ.

Онъ не трусилъ.

— Сдѣлайте одолженiе, — говорилъ онъ: — земля не клиномъ сошлась, я вездѣ мѣсто найду. Что мнѣ: не семья у меня! *Omnia mea mecum porto!*

Онъ былъ прекрасный фельдшеръ и его не увольняли. Крестьяне ему вѣрили больше, чѣмъ врачу.

— Чай пить будемъ? — спросилъ Алексѣевъ, обращаясь ко мнѣ.

— Не откажусь! Знаете, чай пить я всегда готовъ.

— Настоящiй москвичъ!

Онъ собирался въ „пухъ и прахъ“ разнести Москву, которую не любилъ. Но появленiе новаго лица прервало его рѣчь въ самомъ началѣ.

Подошедшiй былъ худощавый молодой парень, средняго роста, съ овальнымъ лицомъ и длинною шеей, обмотанной шарфомъ.

Парень не то угловато, не то небрежно, поклонился и произнесъ:

— Здравствуйте!

— А, Никодимъ, нечестивый!—воскликнулъ Алексѣевъ:—
Здорово, братъ! Зачѣмъ пожаловалъ?

— Хищину, Николаѣй Андреевичъ... Мать знобить что-то...

Парень сѣлъ на соломенный стулъ, стоявшій немного въ
сторонѣ, и промолвилъ:

— А у васъ здѣсь совсѣмъ бесѣдка... славно чай пить.

— Мы вотъ и намѣреваемся,—сказалъ Алексѣевъ. — Не
хочешь ли, и тебя угостимъ?

— Спасибо... Я и то собирался въ трактиръ зайти, во рту
пересохло.

— Пей съ нами... Позвольте вамъ представить, — шутя
проговорилъ фельдшеръ, обращаясь ко мнѣ:—Никодимъ Бы-
стровъ... Я его зову нечестивымъ, потому что съ попомъ все
грызется.

Парень сидѣлъ на стулѣ, положи ногу на ногу и держа
фуражку съ лоснящимся козырькомъ обѣими руками. Шну-
рокъ у ворота синей рубашки полуразвязался и концы съ
кистями падали на старый казинетовый пиджакъ. При „ре-
комендаціи“ фельшера, Быстровъ поднялся со стула, про-
тянулъ мнѣ руку и произнесъ:

— Вы тоже служите по медицинской части?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я и добавилъ:—у васъ имя, которое
рѣдко даютъ, особенно въ деревнѣ... Это скорѣе монашеское
имя...

— Какъ попу вздумается,—сказалъ Быстровъ:—захочетъ,
по человѣчески назоветъ, осердится—такое имя дать, что
хуже собачьей клички.

— Какъ такъ?

— Всякія имена бываютъ. Другое—чисто ругательное.
Къ примѣру: Псой, Пудъ... Совсѣмъ въ насмѣшку.

— Имя могутъ выбрать родители.

— Въ городѣ такъ. Здѣсь все отъ попа зависитъ. Ко-
нечно, если богачи, либо съ попомъ дружать... ничего... А
если золь на кого—и кончено. Съ мужикомъ не говорятъ
много... На то онъ и мужикъ, чтобы имъ всякій помыкалъ.

Я пристально вглядывался въ парня. Черты его лица, ос-
вѣщеннаго сѣрыми живыми глазами, были мелки и не лишены
пріятности; въ полныхъ губахъ небольшого рта съ маленькими
усиками и въ округленномъ подбородкѣ съ только что про-

бывающеюся растительностью, было что-то совсѣмъ еще юношеское, незрѣлое. Вся фигура—немного нескладная, сутуловатая, съ длинными руками.

— Вы учились въ школѣ?—спросилъ я.

— Въ земской.

— Кончили?

— Первымъ!—отвѣтилъ за парня Алексѣевъ:—самъ директоръ похвалилъ, не думалъ, что выйдетъ такой непочтительный.

— Я въ васъ,—сказалъ парень.—Вы съ докторомъ-то, помните, какъ схватились!

— Что докторъ! А ты съ отцомъ духовнымъ... Недаромъ Бутаковъ назвалъ тебя вольнодумцемъ,—закончилъ Алексѣевъ шутивно.

— Кто такой Бутаковъ?

— Помѣщикъ, я у него по письменной части занимался,—отвѣтилъ Никодимъ.

— Вы хорошо пишете?

— Изрядно.

— Сколько же получали?

— Пятнадцать рублей въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ.

— Недурно!

— А сей вольнодумецъ бросилъ мѣсто раньше срока,—замѣтилъ Алексѣевъ, вставая.

Онъ пошелъ распорядиться насчетъ самовара.

— Отчего вы бросили мѣсто?—задалъ я вопросъ Никодиму.

— Такъ... вообще... Подлецъ онъ!—неожиданно и энергично произнесъ Быстровъ.

— Почему вы такъ его называете? Не платилъ денегъ?

— Условій не держится. Я нанимался по письменной части, а онъ хотѣлъ меня за все, про все запрещъ... Разъ замѣсто кучера послалъ, потомъ на мельницу съ возомъ, а тутъ вдругъ велѣлъ печку топить.

— Развѣ это такъ унизительно?

— Не въ этомъ дѣло; мужику какой зазоръ (въ его голосѣ послышалась иронія)? А уговору не было. Я ему говорю: я этого дѣлать не обязанъ. А онъ мнѣ: я плачу жалованье, что заставляю, то и дѣлай; я—хозяинъ. Ну, я ему и говорю, позвольте расчесть?... У всякаго свое дѣло... Примѣрно,

вы служите учителемъ. Развѣ можетъ начальство васъ заставить мести ноль? То же вѣдь: жалованье платять, стало быть, вольно заставить все, что вздумается. Но вѣдь нельзя же такъ?

— Конечно, нельзя.

— И вездѣ одинаково. Или—если я мужикъ, такъ и запрягай меня куда хочешь? Бутаковъ кричитъ: извольничался, мой отецъ на конюшнѣ васъ дралъ! Было... да прошло!

— Знаете, въ хозяйствѣ все можетъ случиться,—замѣтить я.

— Такъ это же по доброй волѣ,—возразилъ Никодимъ.— Отчего не сдѣлать, но ты попроси, а не приказывай! Эдакъ онъ, нанявши меня по письменной части, заставить нечистоты вывозить. Какъ можно! А по просьбѣ—что же. Не далеко ходить за примѣромъ. Тутъ у одной барыни племянникъ гостилъ... Случились именины... Ширь у сосѣдей. А племянникъ не бритъ и бриться не умѣетъ. Нельзя ѣхать. Услыхалъ учитель,—студентъ жилъ на урокахъ. Давайте, говорить, я васъ выброю. И отлично, не хуже мастера обрилъ. А развѣ могла барыня ему приказать: вы де жалованье получаете отъ меня, велю вамъ племянника моего выбрить. Не такъ ли?

Все это было логично, и я согласился съ Никодимомъ.

— Вотъ видите,—сказалъ онъ:—а мужику приказываютъ... его за человекъ не считаютъ... Не разсуждать! молчать! И скотиной назовутъ—терпи! Гдѣ же справедливость?

— Ишь чего захотѣлъ!—подхватилъ вернувшійся Алексѣевъ.

Вслѣдъ за фельдшеромъ Марѳа внесла подносъ съ чайной посудой.

— Живѣ самоваръ!

— Сей минутъ... Кипить!...

II.

Николай Андреевичъ сѣлъ на прежнее мѣсто, на деревянной скамейкѣ, которая глаголемъ огибала некрашенный столъ,—и промолвилъ:

— Все вы съ Марьей Григорьевной справедливости хотите: гдѣ она есть? Ну, что: хорошо-ли живетъ вашей учительницѣ на новомъ мѣстѣ?

— Не пишетъ... Отвѣтила на мое письмо... а ничего не сообщаетъ...

Замѣтивъ мой недоумѣвающій взглядъ, Никодимъ пояснилъ:

— Это та, у которой я учился.

— Гдѣ же она теперь?

— А ее съѣли, такъ надо прямо сказать.

— Кто?

— Нашлись людоеды: старшина да земскій. Дружки! Наговорили начальству, ну, и пришлось уѣхать... На югѣ теперь она.

— За что ее не влюбили?

— Развѣ у насъ хорошихъ людей любятъ! Ладишь со всѣми, прикрываешь подлости—хорошъ. Она не изъ такихъ. Попъ, примѣрно, за всю зиму въ школу не заглянетъ, а деньги беретъ. Она ему и сказала все по правдѣ. Обидѣлся и началъ придираться: зачѣмъ ѣсть постомъ мясо, рѣдко ходитъ въ церковь, да подъ праздники играеть.

— На чемъ?

— На цитрѣ. Отличная у нея была цитра. И пѣла она чудесно. Зачѣмъ вотъ подъ праздникъ, да не божественное.

— По моему, священникъ правъ.

— Конечно, — подтвердилъ фельдшеръ:—я Марью Григорьевну уважаю: барышня образованная, сердечная, народъ любить... ну, а соблазну дѣлала не мало этой цитрой. Помнишь подъ Николинъ день?—добавилъ Алексѣевъ, обращаясь къ парню.

— Да... помню...

— Такъ себя держать въ деревнѣ нельзя... Любя народъ, тѣмъ болѣе нельзя. Я попа ненавижу, да и онъ меня не жалуетъ... А тутъ онъ правъ.

Марѳа внесла самоваръ. Алексѣевъ сталъ заваривать чай.

— Я не говорю, что хорошо,—согласился Никодимъ:—да вѣдь дѣло не въ этомъ... Сыръ—боръ загорѣлся собственно изъ за попадья:

— Что же попадья?

— Почтенія требовала отъ учительницы. А за что ува-

жать ее? Дура баба, да еще злющая... Почему ее Марья Григорьевна должна уважать!

— А пѣсни-то пѣсни, нечестивый!—подзадоривалъ фельдшеръ.

— Что же пѣсни!... Не ладно, конечно. А что касается мяса, такъ вотъ что скажу: развѣ директоръ не ѣстъ мяса въ постъ? Сама попадя ему курицу жарила въ великомъ посту. Отчего же учительницѣ нельзя, а ему можно? И ужъ развѣ въ постной пищѣ вся вѣра? Живи хорошо, по Божьему, это такъ. Отецъ Василій деньги подъ вексель даетъ, у вдовы домшко продать, безъ крова оставилъ, съ крестомъ пьяный валяется, а ѣстъ постное... что въ этомъ проку!

— Пей-ка чай, философъ,—сказалъ фельдшеръ, подвигая парню стаканъ.

— А за что земскій начальникъ не влюбилъ учительницу?—спросилъ я.

— Изъ-за старшины. Старшина пьяница, кулакъ и воршце, прямо надо сказать. Всю волость въ руки забрать. Они съ земскимъ подряды вмѣстѣ берутъ, на третье лицо,—ну, и мирволить. Воспитанникъ старшины оттягалъ избу у женинаго брата, его вонъ выгнали. Ничего бѣдняга подѣлать не можетъ... Марья Григорьевна заступилась, написала прошеніе куда слѣдуетъ, да и въ газетѣ напечатала всю правду. Вотъ и пошло... Сила на ихъ сторонѣ, и съѣян!

— А ловко она ихъ въ газетѣ прохватила!—съ восхищеніемъ произнесъ фельдшеръ.

— Развѣ за это могли ее уволить?

— Конечно! служащее лицо не смѣетъ писать въ газетѣ обличенія,—сказалъ Алексѣевъ.

— Прямо-то этого ей въ вину не поставили,—промолвилъ Нпкодимъ,—а обвинили въ томъ, что школу распустила, мысли вредныя внушаетъ ребятамъ, книги даетъ читать не такія, какія нужно... Если бы не предводитель, ей волчій паспортъ закатили бы. Онъ вступился, спасибо... Она стало быть, какъ бы по своей волѣ ушла.

— Кто же замѣнилъ ее?

— Племянникъ поповскій. Балбесина! Его изъ училища выгнали, два года дармоѣдничалъ у отца, а теперь вотъ учителемъ.

— И здоровъ же онъ пить!—замѣтилъ Алексѣевъ.

— А слышали вы, какъ онъ мальчишку лбомъ о доску хватилъ?

— Слышать,—отозвался фельдшеръ.—Вѣдь Федоръ хотѣлъ жаловаться, да, кажется, струсилъ?

— Нелзя! Старшина его призвалъ и говоритъ: если пожалуешься, непременно отпорю, ужъ найду за что... Ну, и присмирѣлъ Федоръ. Вѣдь и Татьяна хотѣла жаловаться когда поповичъ ея дѣвчонку при всемъ классѣ обругалъ и въ лицо наплевалъ... Тоже не посмѣла!... Мужику, видно, надо терпѣть!

— Кто бы говорилъ, а не ты!

Фельдшеръ засмѣялся и обратился ко мнѣ:

— Два раза этотъ молодецъ въ холодной сидѣлъ, а туда же о терпѣннн говоритъ.

— Такъ что же... развѣ это справедливо? Вонъ вы доктору-то разъ что сказали? Васъ за это не посадили! А почему же меня можно? Развѣ законъ на двѣ половины колется?

— За что васъ садили въ холодную?—полюбопытствовалъ я.

— Разъ за старшину, а въ другой—за генерала Золотарева.

— При чемъ же генераль Золотаревъ?

— А вотъ дѣло какъ было. Сидѣлъ я на бревешкѣ вблизи деревни и удочку налаживалъ... Ёдетъ Золотаревъ въ шарбанѣ. Вдругъ у него распряглась лошадь. Онъ увидѣлъ меня и кричитъ:—эй, ты! поди сюда! Такъ громко кричить, словно на слугу... Я не вставая и спрашиваю: что вамъ надобно? А онъ выругалъ меня, да и опять: не видишь развѣ? Иди поправь! Ну, думаю, шалишь: если ты такимъ манеромъ, то я не хочу, не слуга я тебѣ... Мнѣ, говорю, некогда, поправляйте сами!... „Какъ ты смѣешь? Я тебѣ приказываю“! Развѣ я у васъ служу?—отвѣчаю я.—Вы просить меня можете, а приказывать никакого не имѣете права. Хочу—сдѣлаю даромъ, нѣтъ—за плату, а то и совсѣмъ не буду дѣлать... Онъ изъ себя вышелъ... Я тебѣ, кричитъ, покажу право!.. Какъ тебя зовутъ? Я и отвѣчать не сталъ, поднялся съ мѣста и пошелъ... Но случился тутъ мальчишка, онъ и назвалъ мою фамилію. Вотъ земскій и засадилъ меня, когда генераль ему пожаловался... Я и земскому сказать: ваша воля,

а только это несправедливо... Я не слуга и не крѣпостной генерала... Развѣ я не вѣрно говорю?—закончилъ Никодимъ, обращаясь ко мнѣ.

Я вторично не могъ не согласиться съ нимъ.

— Онъ у насъ храбрый,—смѣясь, сказала фельдшеръ:—ему и генералъ ни по чемъ, и съ попомъ онъ воюеть!...

— Да что вы все о попѣ, Николай Андреевичъ,—проговорилъ досадливо парень:—нельзя же его уважать, если онъ не стоитъ уваженія... Прямо надо сказать: онъ хуже всѣхъ насъ! Возьмите раскольниковъ. На духъ они не ходятъ, съ крестомъ не принимаютъ, а за все платятъ. И онъ доволенъ. Меньше хлопотъ! Или баре опять: многіе не говѣютъ, а отмѣчаются говѣющими. Почему? Платятъ попу! Одна барышня замужъ выходила. Такъ попу взялъ за это, чтобы отмѣтить говѣющею,—четвертную! Дѣло-то снѣжное... Развѣ это не торговля? Какое тутъ уваженіе?

— А санъ?—замѣтилъ я.

— Онъ и санъ свой мараетъ. Къ нему на духъ ходить опасно.

— Почему?

— Выдастъ.

— Что вы, развѣ это возможно?

— Вѣрно. Вотъ вамъ примѣръ. Одна баба ему покаялась, что безъ мужа мальчика прижила и въ воспитательный отправила. Жила она въ кухаркахъ, а мужъ въ солдатахъ... Все шито и крыто. Но дернуло ее нашему попу покаяться. Прошло мѣсяца два. Нагрубилъ баба попадѣ. Та попу пожаловалась, а онъ возьми и расскажи все мужу бабы. Тотъ вѣдь чуть не убилъ жену... Вотъ вамъ!

— За это попу могъ строго отвѣтить. Тайна исповѣди не шутка.

— У попа крестница за секретаремъ консисторіи, и попу поэтому ничего не боится... Мало-ли онъ штукъ выдѣлывалъ—все ничего!... Его вѣдь всѣ не любятъ, а должны у него говѣть... Разсудите: какое это положеніе?... а тоже о вѣрѣ говорятъ... соблазнъ одинъ и все тутъ!

— Слушай, Никодимъ, ты хочешь еще чаю, или напился?—спросилъ фельдшеръ.

Р. — Пожалуй и будетъ. А что?

— Идемъ, я тебѣ хинину дамъ... Довольно съ тебя вольнодумствовать... Чего добраго и насъ, совратишь!

Никодимъ засмѣялся шуткѣ фельдшера.

— На счетъ ихъ не знаю,—произнесъ парень, глядя въ мою сторону:—а васъ, Николай Андреевичъ, и совращать нечего, вы сами такъ же думаете!

— Изъиди, нечестивый!—замахавъ руками, воскликнулъ Алексѣевъ.

— Мнѣ бы еще и книжку, Николай Андреевичъ.

— Какую еще книжку? И такъ антихристъ антихристомъ...

Никодимъ снова засмѣялся. Шутки фельдшера ему, очевидно, нравились.

III.

Никодимъ произвелъ на меня впечатлѣніе. Людей протестующихъ среди мужиковъ я встрѣчалъ не мало; они относились къ различнымъ типамъ. Рѣзко отъзывать о начальствѣ, кричать о томъ, что нѣтъ правды, заноситься передъ баринимъ любятъ многіе. На это способны и „фармазоны“ и „Гаврилы“, смѣющіеся надъ Степанами Бѣлыхъ и зовущіе ихъ „цѣпными псами“. „Правды“ искалъ и „Капитонъ изъ Веретья“, надоѣвпій всѣмъ своимъ кляузничествомъ. Но между всѣми ими и Никодимомъ—цѣлая пропасть. Онъ отличался отъ нихъ и постройкою фразъ, и логичностью, и опредѣленностью взгляда. На немъ сказалось вліяніе школы, книги и бесѣды съ интеллигентными людьми деревни. Такое вліяніе нельзя признать дурнымъ; задоръ и увлеченіе, нѣкоторая незрѣлость—все это недостатки, свойственные всякой молодости. Она всегда смотритъ на жизнь и факты нѣсколько односторонне, нерѣдко изъ-за деревьевъ не видитъ лѣса. Никодимъ не фармазонъ, не Гаврила отстаивающій „свободу“ пить, и не грубіянь, желающій сдѣлать непріятное барину. Онъ мыслить по своему, чувствуетъ все сильнѣе другихъ, чуждыхъ вліянія, какое имѣли на него школа и общеніе съ людьми мысли. Онъ хочетъ работать и жить по правдѣ, но не можетъ помириться съ тѣмъ, что онъ не

ровна барину, хотя „такой же человекъ, какъ и тотъ“. Онъ понимаетъ права, данныя ему, и возмущается, когда видитъ, что нѣтъ возможности отстоять ихъ. Этимъ зарождающимся типомъ мы обязаны школѣ, и типъ этотъ въ основѣ симпатичный, желательный, какъ желательно пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства. Никодимы хотятъ не своеволия, а закона и правды.

Занятый своими размышленіями, я не замѣтилъ, какъ вернулся Николай Андреевичъ.

— Что скажете... каковъ Никодимъ?—спросилъ онъ.

— Во многомъ онъ симпатиченъ.

— Это наша молодая деревня.

— Развѣ вся такая? Она въ массѣ груба, нахальна и рпущена...

— Есть грѣхъ,—согласился фельдшеръ.—Своевольны... А лучшіе изъ нихъ таковы... И Никодимъ изъ дерзающихъ, но въ хорошемъ смыслѣ слова. Онъ не будетъ только кланяться да говорить: „мы чтѣ... мы извѣстно, мужики—дураки. Какъ начальство... нѣшто мы смѣемъ“!... Онъ ужъ смѣетъ, потому что началъ думать... Мраколюбцевъ это пугаетъ... „какъ—мужикъ и думаетъ“! Бутаковъ его зоветъ вольнодумцемъ... Но почему? Вѣдь мы съ вами разсуждаемъ, и насъ за это не зовутъ вольнодумцами.

— Очень часто!

— Такъ не за это!... Недавно здѣсь, то-есть не здѣсь, а за 35 верстъ отсюда, такая вышла исторія. На заводѣ рабочихъ стали донимать штрафами... Не въ терпежъ, что называется. Ну, взволновались, работу бросили...

— Бунтъ?

— Исправникъ такъ окрестилъ, а никакого бунта не было. Приѣхалъ исправникъ, еще кто-то... Рабочіе съ жалобой. Имъ говорятъ, что они не въ правѣ. Они стоятъ на своемъ. Вотъ одинъ изъ такихъ, какъ Никодимъ, и говоритъ: „позвольте намъ двухъ человекъ къ министру послать и все ему объяснить“.—Дуракъ!—закричалъ исправникъ,—да развѣ будетъ министръ тебя слушать. На то ближайшее начальство есть. А парень вѣжливо и говоритъ: „вы, господинъ исправникъ, не ругайтесь, я человекъ, царскій подданный, какъ и вы, правъ у васъ ругать нѣтъ... а что касается начальства ближайшаго, такъ какъ же быть, коли оно по правдѣ посту-

пять не хочетъ. Пусть разсудить, кто выше! На то онъ и царемъ-батюшкой поставленъ, награды получаетъ, чтобы отъ лиха народъ оберегать“. Вотъ что парень-то бухнулъ...

— Что же ему за это?

— У-у! Вскипѣлъ исправникъ. „Въ холодную! Я тебѣ покажу права... Въ тюрьмѣ сгною“!!! И забрали молодца... А потомъ и выслали: коноводъ!

— Но такъ нельзя же было говорить, — замѣтилъ я.

— Разумѣется. Задоръ! Отчего я и охлаждаю Никодима: умный парень, а ни за что пропадетъ. Въ холодной уже сидѣлъ, долго ли до порки. А случись—и покончено.

— Какъ покончено.

— Да развѣ онъ вынесетъ позоръ? Либо руки на себя наложить, либо, потерявъ стыдъ, озлобится и на всякое преступленіе пойдетъ... Въ человѣкѣ, если пробужденъ стыдъ, живеть сознаніе достоинства. Эти качества нельзя игнорировать... Въ нихъ—все спасеніе. У насъ это забываютъ, вотъ что скверно!

— Не крѣпки устои, если...

— Позвольте,—перебилъ фельдшеръ:—возьмите насъ съ вами: представьте, что меня выпороли въ Управѣ... неужели я опять приѣду въ пунктъ и буду лечить? Да я не знаю, что сдѣлаю съ собой и съ тѣми, кто на меня посягнетъ. Съ Никодима еще меньше можно спрашивать: онъ вѣдь, пожалуй, со своимъ достоинствомъ, съ правдой больше нашего носитъ. Его всего такъ перевернетъ, что онъ растеряется... У него и софистики спасительной не найдется, какъ у нѣкоторыхъ плюгавенькихъ интеллигентовъ... Сразу опустится, и вмѣсто человѣка, звѣремъ сдѣлается.

— Онъ изъ богатой семьи?

— Какое! Отецъ плотникъ, дома и не живетъ. Старшій братъ женатый и живеть отдѣльно. Онъ тоже плотничаетъ. Еще два брата съ Никодимомъ и матерью живутъ, занимаются хлѣбопашествомъ. Средній немножко кузнецъ. Это—смирняга, только его не тронь. А младшій, Митька, весь въ Никодима, только Никодимъ поумнѣе. Оба у Марьи Григорьевны учились.

— Кто она?

— Дочь полковника, гимназію съ золотой медалью кончила.

— Изъ идейныхъ, стало быть?

— Да, по принципу пошла въ учительницы.

— Важно, когда по любви, а не по принципу.

— Она и любить дѣло. Это—борецъ... И пуританка при этомъ...

— А какую книгу Никодимъ просилъ у васъ?

— Некрасова. Очень его любить... Наизусть катаетъ многіе стихи... Онъ и Тургенева читалъ, и журналы беретъ... сочувствуетъ болѣе всего „Вѣстнику Европы“,—добавилъ фельдшеръ съ улыбкой.

— Понимаетъ?

— Экзамена ему не дѣлать... Марья Григорьевна приучила его. Она поклонница этого журнала. Она вслухъ имъ читала, а потомъ разсуждала съ ними.

— Не слишкомъ ли это, Николай Андреевичъ?

— Почему? Если понимаютъ, такъ что же... горизонтъ шире... Это и задача школы.

— Съ большой оговоркой, по моему мнѣнію. А какъ онъ относится къ религіи?

— Не безбожникъ, это могу сказать... Обряды, правда, не считаетъ важными, ну, а сущность признаетъ: жизнь, добрыя дѣла... на первомъ планѣ. Вѣдь это и хорошо.

— Я не вполне согласенъ... Ослабленіе обряда не желательно... То, что считается только внѣшнимъ, имѣетъ глубокое внутреннее значеніе... Добродѣтель—сама собой. Въ этомъ, по моему ошибка учителей, въ родѣ Марьи Григорьевны.

Фельдшеръ горячо возразилъ на это:

— Но если выбирать одно изъ двухъ? Вѣдь обрядъ убилъ сущность, и ужъ тутъ не Марьи Григорьевны виноваты... въ это сами понимаете... Посмотрите, что сдѣлалъ недавно здѣшній попъ...

— Что?

— Въ приходскій праздникъ отказалъ въ причастіи всѣмъ дѣтямъ. Дескать въ праздникъ некогда. Почему? Торопился славить. Тутъ десять минутъ всего и времени, а какое тяжелое впечатлѣніе на дѣтскую душу легло!... Дѣвочка одна расплакалась... Еще: попъ не хотѣлъ брать за вѣнчанье меньше 20 рублей. Мужикъ и говоритъ: что-жъ батюшка, въ молоткане штоль мнѣ идтить? Подумаи-ка объ этомъ...

Николай Андреевичъ вынулъ часы изъ жилетнаго кармана и воскликнулъ:

— Скоро пять! Надо больную навѣстить... Поїдемте со мной. Оттуда къ Оомѣ на мельницу завернемъ.

Я согласился. Оому я зналъ еще съ дѣтства, и мнѣ хотѣлось повидать старика.

IV.

Алексѣева любили въ селѣ. Когда мы шли по широкой улицѣ села, встрѣчавшіеся крестьяне, особенно бабы, не ограничивались поклонами, а окликали фельдшера и пускались съ нимъ въ разговоры, относясь, какъ къ человѣку близкому.

— Это что такое?—съ недоумѣніемъ промолвилъ Алексѣевъ и крикнулъ мальчишкѣ, бѣжавшему безъ шапки, съ испуганнымъ лицомъ:—Вавила, ты куда?

— За урядникомъ.

— Что случилось?

— Борисъ опять взбунтовался... чуть старшину не прибилъ, а въ дочь евоюнную полѣномъ пустилъ.

— Что же вы его домой не увели?

— Возьмешь его! Онъ кричитъ: не подходи... убью!... пьяной!

— Чтобъ его!... Вотъ вамъ обратная сторона свѣтлой медали,—сказалъ фельдшеръ, обращаясь ко мнѣ...

До насъ доносились крики. Между громкими фразами, которыхъ вполнѣ нельзя было разобрать, ясно выдѣлялись ругательныя слова, столь любимыя народомъ.

Мы завернули за уголъ и увидѣли оборванца, который сидѣлъ на бревнѣ и кричалъ, грозя кулакомъ на окна большаго дома:

— Это домъ старшины?—спросилъ я фельдшера.

— Да,—отвѣтилъ Алексѣевъ и добавилъ:—вы не говорите ничего Борису... Я попробую его успокоить... Борисъ! что ты

это опять воюешь?—крикнулъ онъ громко, но полусутоливо, и даже улыбнулся при этомъ.

Оборванецъ повернулъ голову, посмотрѣлъ вызывающе, но вдругъ выраженіе лица его измѣнилось.

— Николай Андреевичъ!—воскликнулъ онъ, поднимаясь съ бревна.

— Что ты тутъ буянишь?—повторилъ фельдшеръ, когда мы подошли къ оборванцу.

— Милый, Николай Андреевичъ!... будь другъ!... въ тебѣ есть совѣсть.

— А въ тебѣ развѣ нѣтъ ея, Борисъ?

— Нѣту!... Какая у меня совѣсть... я поротый... бродяга!..

— Глупости все, Борисъ! на себя клепешь! Забралъ въ голову нелѣпую мысль и твердишь.

— Глупости? Нѣтъ, Николай Андреевичъ, не глупости... Ты не испыталъ, такъ и не знаешь... Помнишь меня... развѣ я такой былъ? Пилъ я?

— И хорошо было... а теперь скверно, и я тебя не хвалю.

— А его похвалишь?

— Борисъ указалъ рукой на домъ старшины.

— И его не хвалю. Но вѣдь я тебѣ говорилъ: брось деревню... иди куда нибудь... работай и будь человѣкомъ... Ну, что если бы Марья Григорьевна узнала? Что бы она сказала на это?

Около насъ стала собираться толпа.

— Хорошенько его усовѣсти, Николай Андреевичъ,—сказала какая-то баба:—а то онъ дѣвку избидѣлъ, да и старшину чуть не убилъ.

— Врешь, Татьяна!—крикнулъ Борисъ:—не думалъ я убивать... а въ рожу дать... это вотъ я хотѣлъ...

— А чѣмъ онъ виноватъ? Не пей!

— Молчи!—сказалъ фельдшеръ бабѣ и обратился опять къ Борису:—ну, чего неладное говоришь... иди домой, выпись, да приходи ко мнѣ, мы потолкуемъ... Идемъ!

Онъ взялъ Бориса за руку.

— Погоди, Николай Андреевичъ! Постои! А кто съ меня голову снялъ? Черезъ кого я Пашутки лишился? Что я теперь за человѣкъ? Пьяница! А все онъ! Вотъ и сейчасъ: я, говорить, тебя еще отпорю... потому пьянствуешь... Ну, пьянствую!... А развѣ за пьянство можно пороть?

— По головкѣ гладить, что-ли?—послышался голосъ изъ толпы.

Борисъ не обратилъ вниманія на эти слова и продолжалъ, хватая Алексѣева за рукавъ пиджака:

— Можно? ты скажи—можно?

— Чего спрашиваешь... самъ вѣдь знаешь!

— Знаю! А почему Маслова не порютъ? Не меньше моего пьянствуетъ!

Въ толпѣ послышался смѣхъ.

— Ты ужъ и отца Виталія прихвати... Онъ тоже выпить мастакъ!—сказалъ рыжій мужикъ, стоявшій вблизи.

— Дура-акъ!—медленно выговорилъ Борисъ.

— Ишь, онъ и барина сѣкъ бы!—промолвила баба.

— А почему нельзя?

— Потому что баринъ... не тебѣ чета!... Ипшь, сравнилъ!

— Эхъ, вы головы! умница—произнесъ Борисъ пренебрежительно:—баринъ... Да за что порютъ: за пьянство?

— Извѣстно!

— Такъ не все ли равно: я или онъ? Если пьянство худо, у обоихъ худо... А если ты баринъ, ты еще строже соблюдай себя!

— Извольте съ нимъ разговаривать,—промолвилъ шепотомъ Алексѣевъ, обращаясь ко мнѣ:—вѣдь пьянъ, а врѣзалось въ голову и твердить одно.

Онъ взялъ за руку Бориса.

— Слушай! Ну будь умнѣ другихъ! Пойдемъ домой. Ты разсуждаешь вѣрно, и я съ тобой согласенъ, но пойдешь! А то еще урядникъ придетъ.

— Урядникъ? Я ему покажу!

— Ну, оставайся! Только знай, я тебѣ больше не знакомый... Буду писать Марьѣ Григорьевнѣ, напишу все...

— И пиши! Что я теперь? Она все знаетъ и такъ...

— Ничего не знаетъ!

— Какъ ничего?

Борисъ впился воспаленнымъ взоромъ въ фельдшера.

— Какъ ничего?... и что меня пороли не знаетъ?

— Не знаетъ.

— И не врешь? Не врешь? Ну, побожись!

— Честное слово!—сказалъ фельдшеръ.

— Николай Андреевичъ! другъ! да неужели? Голубчикъ!... Ничего не знаетъ?

Борисъ вдругъ заплакалъ.

— Марь Григорьевна!... Голубушка!... Пожалѣй!... Обидѣли меня... всего лишили... Родная!

— Урядникъ идетъ!—промолвила баба.

— Идемъ, Борисъ!—повторилъ фельдшеръ:—а завтра ей напишемъ!

— Напишемъ!... Я все расскажу.

Онъ безъ сопротивленія пошелъ, поддерживаемый Алексѣевымъ.

— Милый мой... другъ!... Если бы она... а этому подлецу старшинѣ... я его подпалю!—бормоталъ Борисъ, размахивая руками.

Онъ жилъ съ братомъ и съ матерью. Братъ уѣхалъ въ городъ, и дома осталась одна мать.

— Смотри же, Борисъ, спать сейчасъ. А завтра я найду,—сказалъ Алексѣевъ.

— Зайдешь? Спасибо! Другъ, дай руку!

На возвратномъ пути намъ попался урядникъ.

— Гдѣ Борисъ?—спросилъ онъ у фельдшера.

— Домой свелъ я его... Не трогайте теперь...

— Да онъ старшину убить грозитъ.

— Оставьте до завтра... теперь такую кашу заварите, что и сами не рады будете!

— Эхъ, убрали бы его хотя!—произнесъ урядникъ недовольнымъ тономъ.—Надоѣлъ онъ!... Прощайте, Николай Андреевичъ!

Когда онъ отошелъ отъ насъ, фельдшеръ заговорилъ вполголоса:

— Глуповать, а малый добрый... Не придира. Будь другой—Борису давно бы капуть!... Такъ бы запротоколилъ, что въ Сибирь угодилъ бы ученикъ Марьи Григорьевны... У этого есть сердце!...

V.

Пріятель отправился къ больной, а я пошелъ на мельницу. Еще издалека слышался шумъ воды на запрудѣ. На рѣкѣ, на плотяхъ, сидѣли маленькіе рыболовы. Кругомъ было тихо, и въ этой тишинѣ особенно явственно выдѣлялся шумъ падающей воды. Въ дѣтствѣ, когда мы пріѣзжали сюда, я любилъ подолгу стоять у запруды и бросать щепки въ „мельничный водопадъ“, какъ выражался мой кузень. И тогда тутъ жилъ Ома, умный, степенный мужикъ, котораго дѣдушка звалъ „министромъ“ и говорилъ, что слово Омы крѣпче всякаго векселя. Теперь Ома самъ уже не работалъ, а только присматривалъ. Завѣдывали дѣломъ сынъ и внукъ, называвшіе Оому въ шутку „главнымъ надзирателемъ“.

Ома сидѣлъ на крылечкѣ избушки, выходившей окнами на лугъ и пилъ чай. Старикъ былъ одѣтъ въ нестрядинную рубаху, подпоясанную узенькимъ пояскомъ. Ома не любилъ ходить въ сапогахъ, предпочитая имъ лѣтомъ лапти, а зимою—валенки. Въ лаптяхъ онъ сидѣлъ и теперь. Короткіе и широкіе штаны изъ какой-то сѣрой матеріи не доходили до лаптей и обнаруживали костлявыя, загорѣлыя ноги.

Увидѣвъ меня, Ома привѣтливо кивнулъ головой и, когда я подошелъ къ самому крыльцу, поставилъ около себя блюдечко и протянулъ мнѣ жилистую руку.

— Здорово, другъ мой! Давно ли въ родныхъ мѣстахъ?

— Два дня, какъ пріѣхалъ.

— На долго-ли Богъ принесъ?

— Да такъ на недѣльку-другую.

— Мало! Чтобы тебѣ подольше пожить. Воздухъ здѣсь легкой,—смотри, какая благодать Господня... А что теперь въ городѣ?

— На Волгу ѣду, Ома.

— Это ино дѣло... Съѣзди, погляди на матушку-Волгу... Великая рѣка Божія.

— Мельчаешь, Ома!

— А ужъ это рукъ человѣческихъ, мой милый! Богъ далъ, а мы испакостили... Хозяйничать не умѣемъ... Добро Божье гадимъ... Чаю хочешь?

— Спасибо! Сейчасъ пили съ Николаемъ Андреевичемъ.

— Какъ знаешь. Машутка, плесни-ка, мнѣ чайку!

Дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, босая, взяла чашку, погля-
дѣла на меня и шмыгнула въ избу.

— А гдѣ-же твой дружокъ?—спросилъ Ома.

— Алексѣевъ?

— Кто же иной!.. Дружокъ и хозяинъ, стало!

— Къ больной пошелъ... Зайдетъ сюда.

— Хорошій онъ... Я его люблю... Только высоко заносится.

— Какъ высоко? Онъ не гордый?

— Я не про то... Въ мысляхъ высоко летаетъ... въ разсужденіяхъ... Ему все ни по чемъ! Нонѣшніе всѣ такъ.

— А ты знаешь буяна Бориса?—спросилъ я.

— Какъ не знать! Мальченкомъ ко мнѣ бѣгиваль... Смыш-
ленный былъ... Гадали, человѣкомъ станетъ, а на мѣсто того
вотъ какой вышелъ!

Я рассказалъ, что было сейчасъ.

— Ишь оно! — произнесъ старикъ, принимая чашку изъ
рукъ дѣвочки.—Иди, иди! Неча слушать, не съ тобою гово-
рять!—строго добавилъ онъ, обращаясь къ внучкѣ.

Дѣвочка исчезла. Ома медленно началъ наливать на
блюдечко чай и продолжалъ тихимъ голосомъ:

— И что его не выселятъ... приговоромъ бы и все тутъ...
Долго ли, коротко ли — онъ либо спалить старшину, либо
убить его... Другого и ждать неча: разбойникъ сталъ!

— А все оттого, что его выпороли. Онъ самъ говорить это.

Ома махнулъ рукой.

— Слушай его!—произнесъ старикъ:—Выпороти! А нѣшто
другихъ не сѣкутъ? А не разбойничаютъ.

— Онъ въ школѣ учился, Ома... Ну... какъ бы тебѣ это
объяснить...

— Да, что объяснять-то, милый мой! Знаю, что онъ го-
ворить: меня, дескать опозорили, теперь мнѣ все ни по чемъ!
Да нѣшто эти слова можно во вниманіе брать? Чай теперь
онъ еще больше себя позорить!

— Онъ не могъ вынести.

— Опять враки! Ну, уйди отсюда, коли стыдно. На чужой
сторонѣ кто знать будетъ? Нѣтъ, ужъ это, стало, такой че-
ловѣкъ, что его на скверное тянетъ... Кому школа въ пользу,

а ему во вредъ. Ты думаешь, всякому ученіе-то въ прокъ? Кому какъ, милый!

— Вотъ же Никодимъ.

— Какой Никодимъ? Плотника Михайлы сынъ?

— Должно быть... у него отецъ не живетъ здѣсь,—отвѣтилъ я.

— Ну, ну... онъ и есть...

— Парень хорошій.

— Никодимъ другой души... У него и мать богобоязненная баба... Себя всегда соблюдала въ законѣ и въ сына вложила... Никодимъ ни на какое худое дѣло не пойдетъ... Выпори его... Онъ все едино—на пакость не кинется!

— А зато съ собою покончить можетъ,—замѣтилъ я.

— Что ты! А пуцай хоть и такъ. Все же это не разбой. Вотъ, милый мой, такой стыдъ еще это такъ!.. Малодушье и грѣхъ, извѣстно это, а все же самъ себя... И честный чловѣкъ скорѣй съ собою порѣшитъ, чѣмъ на другого руку подниметь... Никодима съ Борькой равнять нельзя... Знаешь, ученье, что зерно хлѣбное: куда упадетъ. У Никодима почва добрая... помнишь, какъ въ Евангеліи то сказано?

— Однако, онъ не изъ смиренныхъ: со старшиной и попомъ воюетъ?

— Съ попомъ, да не съ Богомъ, это особъ статья...

Ѳома отхлебнулъ остатки чая съ блюдечка и заговорилъ наставительно:

— Вотъ и дружокъ твой Николаѣй Андреевичъ, не изъ уступчивыхъ: зубъ за зубъ съ начальствомъ... Это все оттого, что возносится въ мысляхъ. А на худое и онъ не пойдетъ... Ты не зналъ учительницы-то прежней? — вдругъ закончилъ вопросомъ Ѳома.

— Нѣтъ, но слышалъ про нее.

— Барышня она, правду сказать надо, хорошая, пуцай попь ее и хаеть... А я всегда скажу: золотая барышня, добрая, ласковая... на всякую послугу душой всей... И науку произошла доподлинно... А вотъ только одно: возносится въ мысляхъ и жизни крестьянской не понимаетъ.

— Что ты, Ѳома: да она—дочь помѣщика.

— А не знаетъ! Вѣдь она и набаловала ихъ—и Никодима и прочихъ другихъ: мужикъ, дескать, такой же, какъ и всѣ,

правовъ его нельзя отнимать, а коли что не по правдѣ, стой за себя... не покоряйся!

— Вѣдь для того и права, Фома, чтобы ими пользоваться.

— Мало-ли что! Думаешь, я ничего и не понимаю? Не менѣ нонѣшнихъ, а молчу! Потому что-жь: на старости - то лѣтъ не въ холодную садиться, а то, гляди, и дальше упрячуть!.. Слыхалъ поговорку: съ медвѣдемъ конь тягался, да хвостъ одинъ и остался.

— Если такъ разсуждать, Фома...

— погоди, — перебилъ онъ: — дай кончить: я старъ, память-то плохая, гляди, и забуду все. Она и Никодимъ тоже: нельзя допускать... Да ты вотъ что подумай: отъ словъ-то нѣшто будетъ прокъ? Кабы Никодимовъ-то полдеревни было, а не одинъ, ну, такъ... А то гдѣ они? Одинъ то, милый, и у каши нѣ споръ... То сообрази... Да я парня, впрочемъ, не хаю... А только въ работники бы его не взять!

— Отчего?

— Куда же его: все насчетъ правовъ... Жилъ онъ у барина, жалованье—хорошее.

— Я эту исторію знаю.

— А знаешь — такъ вотъ и разсуди. Какимъ же манеромъ я его возьму, если съ нимъ на кажинный вершокъ считаться надо-тъ, да уговоръ писать: это — можно заставить, а то—не евовное дѣло... И опять не изругай его. Въ хозяйствѣ это немисливо.

— Самолюбіе, Фома...

— Ну и пушай! А съ такимъ нравомъ какой же онъ работникъ!.. Да годи, пройдетъ все... отъ молодости пока... образумится, человѣкомъ будетъ, а нокамѣсть балаболка!.. Э-э! вонъ и дружокъ твой идетъ... ишь, какъ... сейчасъ [видно, что самъ себѣ большой... Ну что, дохтуръ, вылѣчили ли?

Алексѣевъ поздоровался съ Фомой и промолвилъ, опускаясь на ступеньку крыльца.

— Усталъ!... О чемъ вы тутъ бесѣдуете? }

— Да вотъ Фома противъ школы,—сказалъ я.

Старикъ покачалъ головой.

— Зачѣмъ же облыжно говорить,—произнесъ онъ:—я не противъ ученья... Ученье — свѣтъ, давно сказано, а только какой свѣтъ... Лампа иная и свѣтитъ, да коптитъ, тоже вотъ и тутъ бываетъ... съ копотью.

— Извольте видѣть, какія онъ сравненія подбираетъ!— воскликнулъ Алексѣевъ.— Вотъ вамъ и мельникъ!

— Вѣрно говорю... Хотя бы насчетъ Марьи Григорьевны: что хорошо, то хорошо, напримѣръ, чтобъ бабу жалѣть, обращаться съ ней по правдѣ, а не какъ со скотиной; ну, да ну, а то и въ зубы... Это—доброе наставленіе...

— Полно, старина,—замѣтилъ фельдшеръ:— Марья Григорьевна только хорошему и учила: себя уважать, какъ человѣка, другихъ не обижать, чорта не бояться...

— Погоди, дохтуръ,—возразилъ Оома:— ты мудрено что-то очень... Зачѣмъ чорта бояться... бояться надо Бога, да и то не отъ страху, а по любви... Я вѣдь Марью-то Григорьевну тоже хорошо знаю... Сиживала здѣсь у меня и разговаривали мы не одинаво. Я ей прямо говорилъ: золотая у тебя душа, а только на всѣ плечи одинъ кафтанъ не влѣзеть... ты одного роста, а моя баба другого... тоже и касаемо мужика...

— Что же она на это?—спросилъ я.

— Она засмѣялась и говоритъ: и мужикъ, погоди, вырастетъ... Ну, говорю, опять я:—когда вырастетъ, тогда и в пору будетъ.

— Онъ и растетъ, а Марья Григорьевна помогаетъ росту,—сказалъ фельдшеръ.

— Извѣстно растетъ,—согласился Оома, — все растетъ, и травка Божья въ полѣ, и овощъ на огородѣ, и человѣкъ... такъ отъ Господа положено.

— А поливать гряды надобно, аль нѣтъ?

— Надобно... а травку и самъ Богъ поливаетъ... печется о ней... А что человѣкъ поливкой-то добьется? Поливай, не поливай, морковка до поры до времени не вырастетъ... на все срокъ положенъ.

— А не поливать, засохнетъ все, Оома! —сказалъ опять фельдшеръ.

— Богу угодно не посохнеть... дождь наведетъ и не посохнеть... И мужикъ тоже...

— А когда мужикъ вырастетъ, Оома?

— Воля Божья! Онъ про-то и знаетъ... Ты сажай деревья и жди... и тѣнь будетъ... нельзя безъ терпѣнья... Эхъ, милые мои, люблю я васъ... только много въ васъ гордости... а что сказано: Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ...

— На смиренныхъ всѣ верхомъ ѣздить, — докончилъ по свѣдѣму Алексѣевъ.

— А буйнаго треножать, милый мой, — съ улыбкой произнесъ Ѳома: — желѣза налѣбають, вотъ какъ... Машутка! — крикнулъ старикъ: — возьми-ка чашку... напился... довольно!

Онъ вздохнулъ и поднялся съ мѣста.

— Заходи еще когда, — обращаясь ко мнѣ, сказалъ онъ: — старъ я... глядишь, на будущее лѣто и въ живыхъ меня не застанешь... Долго-ли... Человѣкъ, яко трава, дни его, яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтеть...

Ѳома закашлялся. Мы простились съ нимъ и отправились домой.

VI.

Еще съ пяти часовъ утра начали съѣзжаться больные въ земскій пунктъ. Алексѣевъ принималъ ежедневно, но по праздникамъ и воскресеньямъ, какъ въ дни нерабочіе, народу съѣзжалось всегда больше.

Подъ окномъ стоялъ громкій говоръ, раздавались визгливые голоса бабъ, плачь ребятъ; ржали лошади, позвякивали бубенцы.

Алексѣевъ, потревоженный шумомъ, поднялся съ постели.

— Что и васъ разбудили? — спросилъ онъ меня. — И не дадутъ уснуть... Эхъ, чтобы чортъ его побралъ!

— Кого?

— Курицына... доктора нашего. Вотъ уже больше мѣсяца глазъ не кажетъ.

— Боленъ, можетъ быть.

— Въ карты играть здоровъ! Я писалъ, писалъ... попустому! Что ему? Женатъ на племянницѣ губернатора и въ усь не дуетъ...

Фельдшеръ сталъ одѣваться; я послѣдовалъ его примѣру.

Солнце свѣтило ярко, но зноя не было и дышалось легко. Съ полей тянуло сѣномъ. Умывшись, я вышелъ на улицу. При моемъ появленіи нѣкоторые мужики сняли шапки и поднялись; другіе только дотронулись рукою до шапокъ, а иные,

продолжая сидѣть, глядѣли на меня съ любопытствомъ или совершенно безучастно.

— Не дохтуръ-ли новый?—донесся до меня бабій голосъ.

— Не слыжать чтобы... не должно.

Въ эту минуту отъ одной изъ телѣгъ отошелъ парень и приблизился ко мнѣ:

— Здравствуйте!—произнесъ онъ, протягивая руку.

Это былъ Никодимъ. Мы обмѣнялись рукопожатіемъ, и это сразу измѣнило картину. Мужики, снявшіе шапки и поднявшіеся съ земли, сѣли, какъ бы недовольные своей ошибкой. Смолкшіе разговоры возобновились. Очевидно, всѣ рѣшили, что если я не такой же „фершалъ“, какъ и Алексѣевъ, то во всякомъ случаѣ, „не важная птица“.

— Ты зачѣмъ?—спросилъ я у Никодима, которому я при первой встрѣчѣ говорилъ „вы“, а теперь „ты“ вырвалось у меня невольно.

— Да маткѣ хуже... Привезъ вотъ... А ты все еще гостишь?—промолвилъ Никодимъ, и было ясно, что его обращеніе ко мнѣ на „ты“ не случайно: я ему сказалъ „ты“, и онъ отвѣчалъ мнѣ тѣмъ же.

— Послѣзавтра уѣзжаю.

Я присѣлъ на скамейку у забора. Никодимъ сѣлъ рядомъ со мной. Вблизи на травѣ лежалъ старикъ въ какой-то гацавейкѣ и съ рукой на перевязи. Онъ поклонился мнѣ. Я отвѣтилъ на поклонъ и спросилъ:

— Что у тебя съ рукой?

— Нарываетъ... Христось знаетъ что!

— Этотъ старикъ изъ Бокина, караульщикъ огородный,—промолвилъ Никодимъ въ полголоса. — Изъ солдатъ... Вотъ жизнь то!

— А что?

— Безъ роду, безъ племени... А задорный старичишка... Не смириѣй меня!—съ улыбкой произнесъ парень.

— Бунтуеть?—шутливо спросилъ я.

— Нѣтъ, а гордится тѣмъ все, что на войнѣ больше дюжины турокъ уложилъ... А я его зову убіицей!

— Зачѣмъ же? Онъ и самъ на смерть шелъ.

— Это вѣрно... Но для чего воевать? Всѣ люди... Земли хватить на всѣхъ... Развѣ Богъ для того создалъ насъ, чтобы мы, какъ собаки, грызлись. Надо въ мірѣ жить.

— Такъ нельзя разсуждать, — сказать я.

— А Христось что говоритъ: поднявши мечъ отъ меча и погибнетъ. И что мнѣ, къ примѣру, нѣмецъ худого сдѣлалъ? За что я его буду бить? Это теперь все такъ, а будетъ время — и воевать не стануть... Живи... Солнце вѣдь для всѣхъ свѣтитъ, и птицы для всѣхъ поють!

— Не въ птицахъ дѣло, — усмѣхнувшись, сказалъ я.

— А въ чемъ? Не въ вѣрѣ-ли? — подхватилъ Никодимъ: — вотъ тоже: Богъ одинъ, молись какъ хочешь!.. А изъ-за чего ссорятся: не съ того боку крестъ кладешь! Мучили старовѣровъ... Теперь вотъ — сектантовъ преслѣдуютъ... А за что? Живи хорошо, по-божьему, а молись, какъ хочешь, — это твое дѣло.

До солдата долетѣли послѣднія слова.

— Что ты мелешь, пустозвонъ, — проворчалъ онъ сердито: — по твоему и жидовская вѣра не хуже православной.

— Богъ у всѣхъ одинъ, Ермолай. Отецъ-то небесный одинъ, у насъ и у евреевъ... Они только Сына Его не признають... Такъ это ихъ дѣло... За что ихъ тѣснить? Другой жидъ лучше православнаго по жизни и дѣламъ... Развѣ русскій не можетъ быть жидомъ хуже?

— Жидъ, такъ жидъ и есть, его грѣшно и равнять съ русскимъ... жиды Христа распяли... Аль не знаешь этого? — насмѣшливо заключилъ солдатъ.

— Да вѣдь не нынѣшніе, Ермолай!

— Все равно.

— Какъ все равно? Ты убьешь, развѣ твоего сына будутъ за это судить?

— Чего тамъ убить... Они вѣдь не человѣка, а Христа нашего распяли, дурья голова! По твоему, по умному, и турка такой же, какъ христіанинъ?

— Развѣ турукъ не можетъ быть хоронимъ человѣкомъ?

— Пушай, хоть расхорошій, да онъ Мухаметку за святого считаетъ, а кто этотъ Мухаметъ?.. Обманщикъ и плуть... А у нихъ пророкъ... Вотъ за это они всѣ и будутъ въ аду.

Разговоръ Ермолая съ Никодимомъ заинтересовалъ и другихъ: нѣсколько человѣкъ приблизились къ нему и внимательно слушали.

— Турка что... Онъ свиного уха боится, — замѣтилъ кто-то презрительно. — Гдѣ ему до насъ!

— Всякій по своей вѣрѣ живи, и спасешься, — сказалъ Никодимъ, — хуже, если ты православный, а живешь, какъ турка, что ли...

— Что турка, что татаринъ — все одна собака, — промолвилъ строго сѣдой сторожъ, опиравшійся на палку.

— Зачѣмъ же собака, — замѣтилъ я, — онъ такой же человекъ, какъ и мы.

— Что ты говоришь! — возразилъ старикъ. — У насъ законъ, а у него какой законъ? У него жець сколько хочешь!

— А у Завьялова три жены... Развѣ это лучше? — сказалъ Никодимъ.

— То незаконныя — отвѣтилъ старикъ. — А то жена... Всѣ жены... Словно псы, прости Господи... Какой же это законъ? У нихъ и Богъ незаконный и пророкъ поганый. Самъ себя въ святыя произвелъ.

Выраженіе „беззаконный Богъ“ заставило меня разсмѣяться.

Старикъ обидѣлся.

— Ты, баринъ, или кто тамъ, не знаю, не смѣйся безъ пути... Я въ ихъ землѣ живалъ, видѣлъ все... У нихъ и молитва поганая... Какъ они молятся? Сядутъ на корточки, словно собака служить наладилась... И лопочуть... Нѣтъ, что бы перекрестились. Мерзость одна!..

— Ты бы книжку хорошую прочиталъ, если грамотный, тогда бы и не говорилъ такъ, — произнесъ Никодимъ наставительно, поднимаясь со скамейки.

— Нечего мнѣ читать, — отозвался старикъ, — это ужъ ты читай... Только погляжу на тебя, такъ отъ книги ты глупѣй становишься, а нисколько не умнѣе!.. Пустозвонъ ты, правду говорятъ.

— Никодимъ ничего не отвѣтилъ и направился къ телѣгѣ, гдѣ лежала больная мать. Старикъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, проворчалъ гнѣвно: „вольница... басурманъ“ — и зашагалъ къ бревну, на которомъ сидѣлъ раньше.

Отворилось окно и раздался голосъ Алексѣева:

— Входите... да по одному... Сначала съ дѣтьми!

VII.

Черезъ три дня я уѣхалъ... Думалъ я еще завернуть въ это лѣто къ пріятелю, но не пришлось, и съ Волги направился прямо въ Петербургъ.

Нынѣшней весной мнѣ пришлось быть въ Ярославлѣ. Тамъ на журфиксѣ у знакомыхъ мнѣ представили „земляка“.

— Отставной капитанъ Малининъ,—отрекомендовался тучный блондинъ.

— Вы сонскій житель?—спросилъ я.

— Видите, — промолвилъ онъ: — это небольшая натяжка. Я не сонскій уроженецъ. Я всего три года, какъ купилъ имѣніе въ Сонскомъ уѣздѣ.

Къ намъ подошелъ братъ хозяйки и предложилъ партію винта.

— Я сейчасъ сражался въ шахматы... А впрочемъ, съ удовольствіемъ... Мы еще съ вами поговоримъ, — промолвилъ Малининъ, обращаясь ко мнѣ.

За ужиномъ намъ пришлось сидѣть рядомъ. Малининъ началъ спрашивать меня о нѣкоторыхъ общихъ знакомыхъ, хвалилъ сонскаго адвоката Дерюгина. Вдругъ кто-то упомянулъ фамилію Напалова и замѣтилъ:—это прекрасный человѣкъ.

Мой сосѣдъ оборвалъ фразу на полусловѣ и воскликнулъ, мѣняясь въ лицѣ:

— Извините, можетъ быть, вы хотите сказать: прекраснѣйшій доносчикъ.

Эти слова поразили всѣхъ. Похвалившій Напалова какъ-то неловко улыбнулся и произнесъ въ полголоса: „Я не знаю... не замѣчалъ“...

— Такъ сильно выражаться едва ли удобно! — слышалось съ другого конца.

Малининъ выпрямился и глаза его загорѣлись.

— Простите, если я выразился рѣзко, — сказалъ онъ. — Можетъ быть, здѣсь есть его друзья... Я готовъ на все... Но я знаю, что говорилъ... Я едва не поплатился высылкой, благодаря его клеветѣ.

— На васъ донесли?—спросилъ я.

— Да... Не по вкусу пришелся... Они тамъ, этотъ Напаловъ и земскій, съ однимъ адвокатомъ, выгнаннымъ изъ присяжныхъ, продѣлываютъ разныя мерзости, закабалили чуть не полъ-уѣзда. Я держался иначе... и захотѣлъ помочь двумъ деревнямъ. Вотъ Напаловъ и донесъ на меня, что я будто бы убѣждаю мужиковъ не платить подати и дерзко отзывать о дѣйствіяхъ правительства. Ну, допросъ. Сперва тайный, а потомъ и гласный. Крестьянъ собрали... Негодяи эти и на крестьянъ насѣли: однихъ запугали, другихъ подкупили. Показанія не въ мою пользу.

— Однако и мужички!

— За ведро водки сколько угодно лжесвидѣтелей найдется. И мнѣ бы пришлось плохо, если бы не одинъ крестьянинъ... Этотъ мужикъ, еще молодой, не пошелъ на сдѣлку и обличилъ своихъ во лжи. Онъ рассказалъ всю правду, на свѣжую воду вывелъ всѣхъ ихъ: и Напалова и его друзей... и такъ подѣйствовалъ на односельчанъ, что большая часть ихъ отказалась отъ своихъ ложныхъ показаній. Скандаль вышелъ крупный, сенсация на весь уѣздъ. Да, что уѣздъ! Дошло до губернатора,—едва замяли все... Я оправдался, но Никодима—бѣднягу, пожалуй сѣдять эти волки...

— Какъ вы сказали: Никодима?—спросилъ я.

— Да... а что?

— Я зналъ Никодима одного, пріятель фельдшера Алексѣева.

— Фельдшеръ Алексѣевъ? Я его тоже знаю. Малый славный! Можетъ быть этотъ Никодимъ и есть... Онъ отъ семя въ верстахъ четырехъ, отъ меня—въ полуверстѣ.

— Это онъ! Учился въ школѣ...

— Да, да... Учительницу все не можетъ забыть...

— Это онъ!—уже вполнѣ увѣренно сказалъ я.

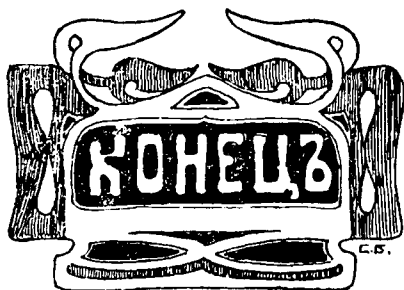
— Вообразите, какіе герои попадаются среди крестьянъ!—съ ироніей произнесъ кто-то изъ гостей, слышавшихъ нашъ разговоръ.

— Къ сожалѣнію, рѣдкіе,—отозвался Малининъ.—Большинство—такая дрянь, что продадутъ за пятакъ... Иныхъ школа еще хуже дѣлаетъ. А если ужъ выбирать изъ двухъ мерзавцевъ, то неученый все же лучше.

— Это вѣрно-сь,—охотно согласился визави:— большое знаніе вредно для мужика.

— Все дѣло въ томъ, каковы учителя,—сказалъ сѣденькій человѣкъ въ формѣ военнаго врача.

Вернувшись въ гостиницу, я долго не могъ уснуть... Невеселыя думы овладѣли мною, и мучительный вопросъ назойливо засѣлъ въ мозгу.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ 4 р.
— Н А — ВЪ ГОДЪ.

10 дд.

IV-й СВѢТОЧЬ IV-й
дѢ ИЗДАНІЯ. ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

—) И (—

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ

иллюстр. ежем. литературно-научный журналъ
== ДЛЯ ВСѢХЪ, ==

редъ редакціей А. В. КРУГЛОВА, при раздѣленіи съ нимъ трудовъ редакціи А. Н. Догановичъ, при ближайшемъ участіи д-ра мед. В. К. Недавцова и при сотрудничествѣ извѣстныхъ писателей и ученыхъ.

Всѣ годовые подписчики (хотя и подписавшіеся въ разсрочку) въ 1910 году получаютъ:

- 12 №№ иллюстрированнаго журнала „Свѣточъ“ и какъ бесплатныя приложенія:
- 12 №№ иллюстрированнаго журнала „Дневникъ Писателя“ (илл. в. по текущимъ вопросамъ жизни, литературы и политики).
- 1 Сборникъ рассказовъ и очерковъ подъ названіемъ „Потревоженные“.
- 10 Портретовъ русскихъ поэтовъ, (съ біографіей съ литер. характеристик.), что составитъ собою:
- 1 Литературно-худож. альбомъ, пригодн. для каждой бібліотеки (общественной, семейной и школьной).
- 5 Иллюстрир. книжечкѣ „Дѣтской Библіотеки“.

Отдѣлы въ журн. слѣд.:

- I.—Литературно-научный отдѣлъ (стихи, романы, повѣсти и пр.; статьи по вопросамъ науки, искусства, литературы; этнографич. историческіе рассказы, статьи, очерки и пр.).
- II.—Книжное обозрѣніе (статьи по литер. Критика. Обзоръ книгъ и журналовъ).
- III.—Бесѣды (по текущ. вопросамъ жизни, этики, литерат. и политики).
- IV.—Очерки русской жизни. Очерки заграничной жизни. (Ежемес. обозрѣнія).—Идутъ непрерывн. въ каждомъ М.—Политическія бесѣды.
- V.—Изъ разныхъ краевъ. (Ежемес. письма изъ Петербурга.—Письма изъ разныхъ мѣстъ Россіи и изъ-за границы).
- VI.—Научныя замѣтки. (Научн. новости и биогр. научн. дѣятелей).
- VII.—Обо всемъ и отовсюду. (По вопр. дня.—Изъ міра таинственнаго.—Въ обл. искусства.—Въ обл. критич. мысли.— Въ царствѣ красокъ и звуковъ. — Театръ.—Дѣльск. хозяйство.—Въ кругу здоров. развлеченій.—Юморъ.—На поляхъ газетъ и журналовъ).
- VIII.—Искроны. (Сатира и юморъ. Беллетр., стихи, фельетоны и каррикатуры).
- IX.—Со ст.—Полемика и статьи изъ публики. X.—Ноты. XI.—Приложенія.
- XII.—съ. XIII.—Почта «Дн. Писателя». XIV.—Объявленія.
- XIII.—Библіо.—Фія и Обозрѣнія—будутъ поставлены на должную высоту, такъ какъ Редакція съ отдѣловъ вошла въ соглашенія съ опытными журналистами.

П. А. Баринъ
Баринъ (Энбе),
 философъ **М. В. Безобразова,**
Бѣляевъ, Л. Н. Бельковичъ, Д. П. Ва-
Д. И. Введенскій, С. В. Витимскій, С. М. Власевъ, И. Е.
скій, И. Н. Глухаревъ, К. П. Говоровъ, Л. Д. Гончаръ
Гребенной, святи. А. М. Державинъ, В. С. Добржинецкій, прис.
 моск. унив. д-ръ мед. **С. М. Доброхотояъ, А. П. Доброхотояъ,**
 генер. штаба **М. А. Дорманъ, проф. прот. Н. А. Елеонскій, А. Е.**
вичъ, И. И. Житницкій, В. И. Ивановъ, С. В. Иванова, В. И. Изъ
Енотаевскій, Н. П. Ивинская, Б. В. Каховскій, Н. В. Каховскій,
Клетнова, К. Г. Конаржевскій, А. А. Коринфскій, М. А. Чозыс
 прис. пов. **Н. Д. Кузнецовъ, Р. П. Кумовъ, В. Г. Лебедевъ, К. С. Ле-**
бедевъ, Е. Н. Ловецкая, М. В. Лысковскій, М. П. Медвѣдскій,
В. Л. Маяковъ, святи. М. И. Менстровъ, П. П. Мироносицкій, заслу-
 женный профессоръ **П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій, Н. А. Мучицъ,** доцентъ
 мед. **В. К. Недзвецкій, А. Н. Никитина, И. Н. Оглоблинъ, М. И.**
Орѣшниковъ, святи. М. И. Пенъиовскій, Е. А. Полушкина, И. В. Се-
повъ-Пермскій, Я. Я. Полферовъ, Е. Н. Поселянинъ, Д. М. Рад-
гаузъ, Б. И. Радинъ, П. И. Радинъ, П. А. Россиевъ, И. В. Роцинь, З.
Ф. Рыжковъ, В. Г. Рязанцевъ, И. А. Савченко, Л. А. Самарина, Е. Я.
Свѣтова, В. А. Скрипицынъ, А. В. Скрипицынъ, К. И. Смирновъ, П. В.
Столпянскій, М. Г. Сулима, проф. моск. универс. И. Т. Тарасовъ, проф. Ф.
А. А. Тихомировъ С. Т. Тураганъ, А. А. Федоровъ-Давыдовъ, С. И.
Хазовъ, Ф. И. Черновъ, А. А. Чумакъ, Ф. М. Чеботаревъ С. В. Шур-
бинскій, И. П. Ювачевъ и др. Художники: С. В. Бенлемишевъ, И. П.
Полушкинъ, А. И. Рунина-Кощугъ, А. И. Соколовъ, П. Ф. Яковлевъ
 и др.

Подписная цѣна на 1910-й г.

безъ доставки:

съ доставкой и пересылкой:

На годъ (со всѣми 16-ю прилож.) 3 р. 60 к.

4 р.

На полгода (безъ прилож.) 1 р. 80 к.

2 р.

На 3 мѣсяца не принимается

1 р.

За границу только на годъ 6 руб. 50 коп.

ПОДПИСКУ, объявленія и вообще всю корреспонденцію для журнала,
 адресовать: Москва, Тверская, д. гр. Олуфьевой, Издателю-редактору жур-
 нала «Свѣточъ» и «Дневникъ Писателя», Александру Васильевичу Круглову.
 Телефонъ редакціи и конторы 83-00.

Редакторъ-издатель А. В. Кругловъ.

